

Александр Косарев
**ТАЙНА
ИМПЕРАТОРСКОЙ
КАНЦЕЛЯРИИ**

Александр Косарев

**Тайна императорской
канцелярии**

2015

Косарев А.

Тайна императорской канцелярии / А. Косарев — 2015

ISBN 978-5-9533-3277-4

В руки археолога-любителя случайно попадает старый портфель с ксерокопиями старинных документов, в которых говорится о попытках Штаба корпуса жандармов Российской империи отыскать на территории Смоленской губернии часть казны наполеоновской императорской канцелярии. Заинтригованный, археолог предлагает своему другу принять участие в поисках так и не найденного клада. Друзья отправляются в экспедицию, но очень скоро выясняется, что кладом заинтересовались не только они...

ISBN 978-5-9533-3277-4

© Косарев А., 2015

Содержание

Глава первая: Бумаги из старого портфеля	5
Глава вторая: Дело № 31 – История о французском золоте	10
Глава третья: Карта гренадера	16
Глава четвёртая: Бесплодные хлопоты	24
Глава пятая: Александрийские страдания	44
Глава шестая: От Цурьково до Луны и Франции	47
Глава седьмая: Научные изыски дилетанта	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Александр Косарев

Тайна императорской канцелярии. (Кладоискательский детектив в реальном времени)

*А где ж та гора, та река? Притомился мой конь
Скажите, пожалуйста, как мне проехать туда?
На ясный огонь, моя радость, на ясный огонь,
Езжай на огонь, моя радость, найдёшь без труда!*

Булат Окуджава

Глава первая: Бумаги из старого портфеля

Как вы полагаете, в каких случаях люди у нас в России попадают в самые неожиданные и головокружительные авантюры? С покупки билета в одну из экзотических стран? С неожиданного лотерейного выигрыша? Или со встречи в уличной пивной со случайно заглянувшим туда американским миллиардером? А вот и нет! Лично моя головокружительная одиссея началась одиннадцатого августа 2004-го года буквально на ровном месте. Причём день тот был совершенно заурядным, ничем не хуже и не лучше прочих. В работе у меня образовался двухдневный перерыв, и чтобы как-то забить время хоть каким-то делом, я отправился в гости к своему школьному ещё приятелю Михаилу Воркунову.

Всё же неплохо быть преподавателем в институте, это я про него хочу сказать. Зимой приличные по длительности каникулы полагаются, а летом так и вообще по два месяца гулять можно! Правда, он теперь не слишком гуляет, финансовые возможности не позволяют. Зимой натаскивает двоечников, а летом подряжается в ремонтную бригаду – чистит и красит своё же институтское здание. А тот августовский день был и для него и для меня просто приятным исключением из прочих хмурых будней. Мы встретились с ним вскоре после обеда в районе гостиницы Останкинская, и неспешно болтая о чём-то несущественном, отправились в тихий и малоизвестный уголок Москвы, который и по сию пору называется Детский парк имени Дзержинского.

Согласитесь, ныне странно читать на вывеске детского учреждения именно эту фамилию. Вроде бы по всей столице с Дзержинским в девяностые годы боролись беспощадно. Выкорчевали его имя, кажется, абсолютно везде. А здесь вот почему-то забыли. Почему же? А, знаю! Наверное, детям на память оставили. Чтобы те, чуть повзрослев, поинтересовались у своих родителей: – А кто такой был этот знаменитый Феликс Эдмундович? И те, по идее, должны им сказать в ответ, что это был лютый и безжалостный большевик, который хватал их бабушек и дедушек прямо на улице и без суда и следствия расстреливал в подвалах Лубянки. То-то детишки удивились бы. И догадались своим ещё детским умишком, что если хочешь, чтобы твоим именем назвали парк или улицу, то надо будет обязательно расстрелять тысяч двадцать жителей страны, чтобы гарантированно прославиться в веках!

Впрочем, это я так, к слову. Просто у самого такие мысли возникли, когда мы проходили между двумя свежепобеленными колонами, обозначающими вход в этот относительно небольшой, но уютный парк. Впрочем, хоть он и невелик по размеру, но свою функцию довольно редкого в Москве места, где можно бесхитростно отдохнуть и слегка развеяться, он

выполняет исправно. А мы с приятелем, собственно, и хотели перевести дух от той непрерывной гонки, которую жизнь в столице навязывает всем её жителям почти без исключения. Обогнув центральный прудик парка, мы устроились подле него на своеобразном мысе, выдающемся к центру водоёма. Раньше здесь стояло только несколько ободранных скамеечек, а теперь раскинулось кафе, под навесами которого можно было посидеть с известным комфортом.

– Не нравится мне твой вид, Александр, – заявил Михаил, усаживаясь рядом со мной и с наслаждением отхлёбывая из кружки добрый глоток пива. Какой-то ты в последнее время стал хмурый, тощий и злой.

– Что делать, – отмахнулся я, не всем так везёт, как некоторым. От меня жена ушла, а ты наоборот женился. Вот я и смотрю, что ты явно прибавил пару-тройку килограммов.

– Какой там пару, – смущённо огладил свою раздавшуюся талию Михаил, – животик растёт не по дням, а по часам!

– Питаешься неправильно, углеводов много потребляешь, – заметил я. Так что давай закажем сейчас шашлычок, позволим себе хоть сегодня покушать всласть.

– Ух-х, – яростно потёр ладонями Михаил, – и в самом деле, что жмотничать? А то наши деньги, сколько их не зарабатывай, всё равно тают на глазах! Прямо не знаю, что и делать. То, что такими трудами заработали при социализме наши родители и мы сами, разом обратилось в прах! И как теперь быть, я просто ума не приложу? Пенсия-то и нам маячит, она не за горами, и выходит, что к старости мы останемся вообще с голой задницей?

– Ну, до старости нам ещё далеко, – возразил я, – что-нибудь придумаем.

– Что, – продолжал кипятиться Михаил, – что тут можно придумать? Воровать мы как-то не привыкли, да и негде что-либо своровать. Всё спёрли уже до нас. Устроить финансовую аферу, где-нибудь на правительственном уровне, тоже нет возможности. Честно работать в этой стране – значит заработать только на кусок хлеба и дешёвые штаны, не более того? А как семью содержать? Детей? Об этом, что, никто наверху не думает?

– Ой, не начинай, – пригубил и я из своей кружки, – да разве это мыслимое дело, что бы кто-то там о нас думал? Нет, дружище, прошли те благословенные времена, когда о нас с тобой думали партия и правительство. Теперь, хочешь не хочешь, а придётся самим мозгами шевелить на этот счёт!

Так наша неторопливая беседа и протекала часа два или три. День был прекрасный, торопиться нам обоим было совершенно некуда, и можно было спокойно перебивать кости кому угодно, от самого первого американского президента до самого последнего российского начальника. По пруду всё так же неспешно плавали разевшиеся на добродетельных подношениях утки, а синички весело трещали около ближайшего скворечника. С востока дул тёплый ветерок, и ничто не предвещало того, что именно с этого дня наши с ним жизни пойдут в совершенно неестественном направлении. Ближе к вечеру, когда золотистое солнце приобрело вид сильно запыленного бубна, мы вырвались из тесных объятий пластиковых кресел и начали прощаться. Но как обычно бывает у не слишком трезвых российских мужиков, эта процедура несколько затянулась. Отыскивались деньги на ещё одну бутылку пива и только потом, поочерёдно отхлёбывая из её горлышка, мы неторопливо направились к выходу из парка. Я проводил друга до трамвайной остановки, и некоторое время бесцельно прогуливался по улице Королёва.

Идти домой, сидеть в четырёх стенах у телевизора весь оставшийся вечер совершенно не хотелось. Поэтому, зацепившись глазом за бойко цокающую каблучками блондинку, я как всякий свободный мужчина в самом расцвете лет, потащился за ней. Девушка целеустремленно пересекла детский парк и лишь в самом его конце свернула налево к цепочке проточных прудов, за которыми начинались необозримые пространства Ботанического сада.

– Наверное, на свидание с каким-нибудь парнем торопится, – запоздало подумал я, чуть отставая от молодки. Нехорошо получится, если я буду маячить у неё за спиной. Со стороны посмотреть так я вроде бы как за ней увязался и непонятно, то ли хочу познакомиться, то ли работаю частным сыщиком.

Замедлив шаг, я буквально через пару минут увидел, куда столь энергично торопилась блондинка. С одной из скамеек ей навстречу поднялась одетая в джинсовую рубашку девушка, как две капли воды похожая на знаменитую американскую модель – Синди Кроуфорд. Они картинно поцеловались, дружно закурили и уселись рассматривать большой фотоальбом. Поскольку курящие девушки мне не нравятся принципиально, я сделал вид, что сильно тороплюсь по делам, и прошествовал мимо них, даже не удостоив юных курилок и мимолётным взглядом. Потом, естественно пожалел, что не посмотрел, уж очень хороши были, чертовки!

Поскольку знакомство не состоялось, и делать мне в парке больше было нечего, я отправился в сторону кольцевой железной дороги, там, где над речкой Лихоборкой был переброшен бетонный мост. Это было наиболее близкое и удобное место, откуда можно было добраться до нужной автобусной остановки.

– Эй-ей, кто-нибудь, – неожиданно услышал я то ли придушенный вскрик, или даже нечто похожее на стон, доносящийся со стороны стоящей в нескольких метрах от меня деревянной беседки, – помогите ради Бога!

Голос принадлежал явно немолодому человеку, и ноги сами понесли меня на этот жалобный зов. Едва я вошёл в беседку, как тут же увидал в её углу странно криво сидящего мужчину. Небольшого росточка и неважно одетый, он всё же не был похож на густо расплодившихся в столице бомжей.

– Проклятая жара, – бескровными губами через силу выдохнул он, силясь улыбнуться, – совсем прижала...

Его необычно расширившиеся глаза пытались сказать мне нечто, что уже не выговаривали губы, но как прочитать, как понять такого рода послания? Скамеечка в беседке была узковата и рассчитана только на то, чтобы на ней сидеть, но я всё же постарался уложить на неё старика, которому на вид было далеко за шестьдесят.

– Как не вовремя меня прихватило-то! – всё же смог чуть слышно прошептать он, прикрывая глаза. И что меня сюда понесло? Вы можете мне завершить одно дело...? – попросил он, силясь повернуться на бок

Речь его оборвалась на полуслове, и правая рука, которой он до этого держался за рубашку на груди, резко соскользнула вниз. Что следует делать и как помочь человеку при сердечном приступе, я не имел и малейшего понятия. То есть, конечно, слышал, что нужно больного как-то по-особому уложить, дать нитроглицерин или что-то в этом роде. Но как отыскать всё требуемое в глубине заваленного буреломами Ботанического сада? Я выскочил наружу и бросил взгляд вдоль уходящей в бесконечность главной аллеи парка. Поблизости не было ровным счётом никого, если не считать юной парочки топчущейся у парапета небольшого прудика метрах в восьмидесяти от меня. Со всех ног я бросился к ним.

– Молодые люди, – во весь голос закричал я, подбегая к пруду, – у вас случайно нет с собой мобильного телефона? А то человеку плохо стало, и скорую помощь вызвать невозможно!

Реакция молодых людей была диаметрально противоположной. Если парень посмотрел на меня крайне неприязненно и даже враждебно, то девушка, наоборот, проявила живейшее участие к судьбе пострадавшего.

– У меня самой нет телефона, – отстранилась она от крайне недовольного моим появлением парня, – но кажется, у моей подруги он есть. Женя, Галина, – воскликнула она, поворачиваясь в сторону густо заросшей туей рощицы, – идите скорее сюда! Минуту несколько

секунд, показавшихся мне минутами, и из зарослей вынырнула ещё одна пара. Светловолосая девушка помахала нам рукой и демонстративно приложила ладонь к уху, как бы показывая, что внимательно слушает.

– Ты случайно мобильник с собой не захватила? – воскликнула первая девушка, – а то здесь человек умирает!

Через минуту я уже прикладывал трубку телефона к уху.

– Оператор Белякова слушает, – прозвучал усталый женский голос.

– На главной аллее Ботанического сада в беседке лежит пожилой мужчина, – затараторил я, – кажется у него сердечный приступ!

– Фамилия, – безжизненным голосом отозвалась моя собеседница.

– Откуда я знаю его фамилию? – искренне удивился я, – он мне не представлялся.

– Ваша фамилия! – с ядовитым сарказмом прозвучало в трубке.

Чертыхнувшись, я назвал.

– Ботанический сад, какой имеется в виду? – не унималась телефонистка с обезличенным голосом.

– То есть как, – удивился я, – разве в Москве он не один?

– Их два, – услышал я в ответ. Один около станции метро Проспект Мира, а другой примыкает к Алтуфьевскому шоссе.

– Вот, вот тот, который у Алтушки! – уточнил я. В самом конце центральной аллеи, той, что тянется от главного входа.

– Пока расстегните ему ворот и если есть возможность, дайте что-нибудь попить, – посоветовала на прощание оператор и, не прощаясь, повесила трубку.

Теперь в беседку, где лежал неизвестный, мы направлялись уже впятером. Глаза у мужчины были всё так же закрыты, но по издаваемым им свистящим звукам было понятно, что он ещё жив. Девушки тут же принялись хлопотать вокруг него, расстёгивая на груди рубашку и подкладывая под голову свои сумочки. Мы же с молодыми людьми остались снаружи и они тут же вытащили сигареты.

– Всё курите? – немедленно подначил я их. Значит, скоро вот так же грохнетесь на улице, и тоже будете зависеть от доброй воли посторонних людей.

– Это от сигареты, что ли? – недоверчивым баском отозвался один из парней.

– Не от сигареты, а от сигарет! – поправил я его. А вы что думали, Минздрав вас просто так предупреждает об опасности курения? Нет, не просто. Никотин ведь не что иное, как нервнопаралитический яд, и рано или поздно он своё парализующее действие явит вам во всей красе!

За душеспасительной беседой довольно быстро подкатила и «Газель» скорой помощи. Кроме водителя в ней сидела лишь молоденькая девушка, которая явно стеснялась своей самостоятельности и, похоже, была не слишком готова оказать бедняге помощь прямо на месте. Так что мы помогли ей погрузить пациента в кузов, после чего красно-белая машина неторопливо поехала в обратную сторону. Молодые пары быстренько ретировались из беседки, а я чуть задержался, поскольку в толкотне при погрузке у меня развязался шнурок, и потребовалось его поправить.

Уже заканчивая эту краткую процедуру, я краем глаза заметил нечто прямоугольно-коричневое, высывающееся из-за края деревянного чурбачка, на котором была укреплена одна из лавок. Протянув руку, я через секунду извлёк из-за него сильно потёртый портфель из дешёвого кожзаменителя. Он, не сказать, чтобы был очень тяжёл, но в нём явно что-то лежало.

– Не наш ли бедолага его обронил? – подумалось мне. Ну, да, конечно! Проходил мимо беседки и в этот момент почувствовал недомогание. Вошёл, сделал два шага вперёд и тут

же упал на правую скамейку. И если свой портфель он при этом держал в правой же руке, то он как раз и должен был угодить прямо сюда, за лавку!

Замок портфеля не был заперт на ключ и легко поддавался моим усилиям. Интерес мой к содержимому кожаного вместилища был чисто номинальный. По одному его внешнему виду было понятно, что никаких особых ценностей в нём никогда не было, да и быть не могло. Однако там вполне могли оказаться какие-нибудь справки или документы, по которым можно было бы впоследствии отыскать так некстати заболевшего владельца портфельчика. Но вскоре выяснилось, что ничего подобного там тоже не было. Всё внутреннее пространство занимали две плотно набитые пластиковые папки и толстая, сильно затёртая общая тетрадь.

Открыв из чистого любопытства одну из папок, я увидел толстую пачку бумаги с ксерокопиями каких-то рукописных документов. В беседке было уже темновато, но я всё же вынул из середины один из листов и поднёс его к глазам. Текст её был своеобразен и разобрав я его с известным трудом: **«По Высочайшему повелению предлагаю Вашему Высокоблагородию разузнать без потери времени и самым секретным образом, не проживал ли лет 20-ть тому назад в Минской губернии близ г. Слуцка в имении Черевути некто Антон Ивицкий, переехавший в последствии в Виленскую Губернию в имение Свилу, неподалёку от г. Видзы лежащее..., и коль скоро Вы что-либо о нём узнаете, или откроется теперешнее место его пребывания, то немедленно донесите мне о том...,»**

— Какая-то старорежимная галиматья! — разочарованно отложил я листок в сторону, но для пущей самопроверки вытащил ещё один.

Но по стилю изложения информация на этом листе не сильно отличалась от листа предыдущего. Содержание и по смыслу текста и даже по почерку была почти такой же: **«Во исполнение предписания Вашего Сиятельства, от 29 ноября минувшего 1839 года, за № 129-м я старался секретнейшим образом разузнать об Антоне Ивицком всё что мог и удостоверился, что он действительно лет восемь жил в Игуменском уезде в деревне Церебутая (на реке Птичь) у арендующего имение сие родственника его, дворянина Овсяного, но уже около 15 лет как выбыл оттуда в Виленскую губернию. Слышно, что он проживал не около Видзе, но близъ Вильно и года два тому назад умер, после чего жена Ивицкого с сыновьями: Людвигом, Тимофеем и Робертом переселилась Гродненской Губернии, Новогрудского...»**

Уже понимая, что никаких нужных сведений о владельце портфеля я здесь не найду, я всё же скоренько пролистал и страницы тетради в твёрдом, тёмном переплёте. Мелкий трудноразборчивый почерк, рукописные схемы каких-то местностей, фотографии людей в старинных одеждах, вклеенные то там, то здесь кусочки географических карт... Разочарованно захлопнув тетрадь, я сложил бумаги обратно и с чувством выполненного долга направился к выходу из парка. И пока шёл, размышлял о том, кем же был отправленный в больницу старик, любителем-краеведом, писателем или же просто рядовым школьным учителем.

Глава вторая: Дело № 31 – История о французском золоте

Вернувшись домой, я затолкал совершенно никчёмный портфель под вешалку и вскоре благополучно забыл о его существовании. И лежать бы ему там долгие месяцы или даже годы, но некоторые события неожиданно повернули всю дальнейшую историю в совершенно нерядовом направлении. Итак, с того дня прошло чуть больше недели. Над Москвой пронеслись спасительные дожди, несколько развеявшие нестерпимую летнюю духоту, и в один из свободных дней я вновь отправился в Ботанический сад. На сей раз, пошёл туда не с пустыми руками. В сумке нёс остатки подсохшего хлеба, намереваясь поделиться им с оккупировавшими парковые пруды утками. Завершив сию благотворительную процедуру, я повернул к дому, проложив маршрут по укромной аллее, ведущей мимо так называемого «Японского садика». Там обычно стояла передвижная тележка, с которой предприимчивые торговцы сбывали посетителям парка весьма недешёвое мороженое. Встав в конец небольшой очереди, я случайно обратил внимание на то, что на одной из сторон тележки мороженщика висит косо приклеенное объявление. Стоять было скучно и я, чуть наклонившись вперёд, прочёл чрезвычайно заинтересовавший меня текст.

«Все, кто имеет хоть какие-то сведения о найденном на территории парка коричневом портфеле с важными бумагами, получают гарантированное вознаграждение, если позвонят по следующему телефону...», – было написано на четвертушке стандартного писчего листа.

Подошла моя очередь и, протянув продавщице деньги, я принял холодный рожок. Одновременно другой рукой я осторожно оторвал объявление. Присев на ближайшую скамеечку откусил холодного лакомства и перечитал его ещё раз.

– Будто нерусский человек писал, – подумал я. Ну, кто же из наших будет предлагать вознаграждение за «хоть какие-то сведения». Этак, я позвоню и скажу, что портфель на моих глазах засунул в мешок мусорщик. И что мне за это заплатят? Ерунда какая-то!

Мороженое было съедено, объявление изучено вдоль и поперёк, но выбросить его в ближайшую мусорную корзину рука почему-то не поднималась.

– Что же имеется в виду под «важными документами»? – копошилась в моей голове недоуменная мыслишка. Там ведь лежали не чертежи современного истребителя, или какой-нибудь тайной электронной системы, а ксерокопии каких-то старых писем или официальных бумаг. Какая особая важность может содержаться в документах, которым не меньше чем по сто, а то и двести лет? Вау, – озарила меня внезапная догадка, – а может быть, их засунули туда просто для отвода глаз! Может быть, там лежит что-то ещё? Не на виду, нет, а где-нибудь в глубине за подкладкой? Может быть, всего одна единственная бумажка или дискета для компьютера?

Крайне озадаченный и одновременно заинтригованный, я вернулся домой с твёрдым намерением разобраться в загадке как можно быстрее. Смахнув тряпкой накопившуюся на боках портфеля пыль, уложил его на стол и вытащил содержимое наружу. Более внимательный осмотр папок дал несколько неожиданный результат. Выяснилось, что в каждой из них находился один и тот же набор документов, причём даже разложенных в одинаковом порядке. Но среди писем и докладных записок, датированных 1839-м и 40-м годами, не было вложено ни единой посторонней бумажки. Пересмотрел я, разумеется, и тетрадь, уже более внимательно. В ней тоже не оказалось ничего постороннего за исключением нескольких чёрно-белых фотографий, сделанных с каких-то батальных полотен. Далее я тщательно прощупал и сам портфель в надежде отыскать нечто такое, что могло бы представлять хоть

какой-то интерес. Однако кроме пятикопеечной монеты, выпуска 1961-го года, неведомым образом завалившейся за его дерматиновую подкладку, отыскать не удалось ничего.

– Если хотя бы раз не прочитать эти бумаги от начала до конца, то понять из-за чего разгорелся весь сыр-бор, будет совершенно невозможно, – решил я и подтянул к себе один комплект документов. Иного способа догадаться, чем же были привлекательны для автора объявления эти ксерокопии, я просто не видел.

И первая же прочитанная страница заставила меня не на шутку насторожиться. Вскоре выяснилось, что это были не просто какие-то там разрозненные и толком не связанные между собой бумаги, нет! Передо мной лежало довольно значительное по своему объёму **«Секретное дело № 31 Штаба корпуса жандармов»**. Название его тоже звучало весьма внушительно, хотя и не столь конкретно, как хотелось бы: – **«О зарытых в землю между Дорогобужем и Смоленском или Оршею деньгах»**. Начато сие дело было 19 октября 1839 года, а окончено только 2 сентября 1840!

Жадно прочитав первые его строки, я довольно быстро сообразил, что красноречивое название сего внушительного собрания документов здорово смахивало на весьма расхожее выражение – «Иди туда... не знаю куда». Достав ради любопытства с книжной полки атлас СССР, я не без труда разыскал упомянутые населённые пункты. Бог ты мой! Где был тот Дорогобуж, и где была та Орша! Да между этими городами можно закопать не только какой-то клад, но и целую европейскую страну, а то и две сразу!

К тому же нежданно-негаданно доставшийся мне набор некогда секретных документов крайне невыгодно отличался тем, что первые десять страниц его, (как и в романе Толстого «Война и мир»), были написаны на французском языке! И это было весьма плохо, поскольку именно во французском я был полнейший профан. Пусть бы оно было написано на английском, или даже арабском... Впрочем, понимая трезвым умом, что перевод документа всё равно придётся когда-нибудь делать, я для начала поспешил углубиться в толщу последующих страниц, выискивая глазами бумаги, написанные на более знакомом языке. И первый же попавшийся мне на глаза написанный по-русски рапорт показал, какое значение предавалось данному вопросу.

**Копия,
Секретно,
Военному Министру,
Рапорт**

«Согласно воле государя Императора имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство о командировании ко мне одного опытного офицера Генерального Штаба, для возложения на него по Высочайшему повелению особо секретного поручения, требующего немедленного отправления сего в Смоленскую Губернию. Причём, не благоуходно ли будет Вам, милостивый государь, предоставить одного офицера на время сей командировки в полное и непосредственное моё распоряжение, удостоить меня предписанием, кто именно назначен будет».

Подпись: Генерал-адъютант Гр. Бенкендорф

Не как-нибудь там, а согласно воле его Императорского Величества, – мгновенно пронеслось у меня в голове, – значит, здесь рассматриваются вовсе не шутейные, фантастические вопросы, или чьи-то необоснованные предположения! Вопрос стоял на самом высоком государственном уровне и был наверняка назначен к скорейшему воплощению в жизнь! К тому же занимается им не какой-то малозначимый делопроизводитель, а сам Александр Христофорович Бенкендорф, который, как мне мигом вспомнилось, занимал в те годы пост

шефа корпуса жандармов и начальника 3-го Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии! Этот непреложный факт поневоле внушил мне бесконечное доверие, и даже благоговейное почтение к излагавшейся легенде.

Но уже следующий документ поверг меня в полное недоумение.

**Копия,
Секретно,
Корпуса жандармов господину Майору Логри**

По высочайшему государя Императора повелению предлагаю Вашему Высокоблагородию разузнать немедленно и притом самым секретным образом: находится ли в живых и где ныне проживает некто Антон Ивицкий, переехавший за несколько лет из имения Черевуты Слуцкого Уезда Минской Губернии в имение Свилу, лежащее Виленской Губернии близ г. Видзы. И о том, что по разысканию Вашему окажется донести мне без потери времени с присовокуплением сведений о звании, образе жизни и мыслей и достать Ивицкого.

**Подписи: Генерал-адъютант Гр. Бенкендорф
Генерал-майор Дубельт**

Кем был этот Антон Ивицкий, и какое отношение имел к изучаемому мной делу, я на тот момент не знал совершенно и поэтому совершенно равнодушно отложил данный рапорт в сторонку. Ведь и следующая бумага тоже не вызвала у меня ни малейшего интереса.

**Копия,
Секретно,
Смоленскому Военному Губернатору
Князю Трубецкому**

Милостивый государь, Князь Пётр Иванович.

По высочайшему Государя Императора повелению, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство по учинению наиточнейшей справки в секретных делах Канцелярии Вашей за время бытности в Смоленской Губернии Губернатором Барона Аша, почтить меня Вашим Милостивый Государь уведомлением об арестовывании некоего Семашко и буде есть, то доставить ко мне с такового предписания копию.

**С совершеннейшим почтением и проч.
Подпись: Генерал-адъютант Гр. Бенкендорф**

Прочитанный текст, к сожалению, не прибавил какой-либо определённости, а напротив, запутал меня ещё более. Чем некий господин Семашко успел как-то насолить всесильному губернатору Смоленской губернии барону Ашу? Из текста указа было непонятно. Но появление в деле под № 31 всё новых и новых действующих лиц заставило меня начать их размещать в пространстве и времени в определенном порядке. Так что теперь я не только лихорадочно прочитывал следующие один за другим документы, но и заполнял от руки своеобразный реестр, в котором размещал не только исторических фигурантов, но и соединял их стрелочками, показывающими, как они соотносятся между собой. Тем временем описываемые в деле события неумолимо разворачивались по совершенно неожиданному сценарию.

Получено 25 октября.

Секретно.

Господину Шефу Жандармов, Командующему Императорскою Главною Квартирой (Генеральным штабом)

Во исполнение Высочайшей воли, сообщённой мне отношением Вашего Сиятельства от 23 сего октября за № 123 о командировании в полное и непосредственное распоряжение Вашего одного опытного Офицера Генерального Штаба для возложения на него особо секретного поручения, потребоющего немедленного отправления его отсюда в Смоленск, назначен мною для сего Генерального штаба Полковник Яковлев 4-й, коему и предписано явиться к Вашему Сиятельству.

О чём Вас извещая, имею честь присовокупить, что по некомплекту существующему в Генеральном штабе, я желал бы чтобы командировка эта не была слишком продолжительна.

Военный Министр Генерал-адъютант (подпись неразборчива).

— Ага, — обрадовался я, — вот наконец-то и появилось главное действующее лицо этой исторической драмы! Сейчас по заведённой в Российском государстве традиции, после закулисных переговоров и обсуждений второстепенных подробностей, наверняка будет издан официальный приказ полковнику Яковлеву, ориентирующий его на выполнение особо секретного поручения.

Интуиция меня не подвела. Данный приказ был озвучен, прямо на следующей же странице!

Копия.

Секретно.

**Генерального Штаба Господину
Полковнику и Кавалеру Яковлеву 4-му.**

Г (господин) Военный министр отношением своим от 25-го текущего октября за № 19 уведомил меня, что согласно сообщённой мною Его Сиятельству воли Государя Императора Ваше Высокоблагородие командированы на время выполнения предстоящего Вам поручения в непосредственно моё распоряжение. Почему, соображаясь с Высочайшим повелением, предлагаю Вам с получением сего отправиться в Смоленскую Губернию и приложить всевозможные старания к отысканию между Смоленском и Дорогобужем или Оршею местоположения на прилагаемой карте означенного, руководствуясь описанием при ней находящимся и обратить внимание на то, что карта сия сделана по памяти и что за исключением одной только реки, всё прочее, как то: поля, леса, кустарники, тропинки, деревни и тому подобное, через несколько десятков лет могли во многом измениться и что о прежнем виде сих предметов удобнее всего собрать сведения расспросами от старожилов.

После засвидетельствования о Вас Графа Александра Ивановича Чернышева, я остаюсь совершенно уверенным, что Вы, как опытный офицер Генерального Штаба не упустите ничего из виду, чтобы могло поспешествовать к скорейшему выполнению возложенного на Вас поручения, которое должно быть сохранено в тайне.

Коль скоро ваше Высокоблагородие убедитесь, что показанное на плане местоположение Вами действительно открыто тогда покорнейше прошу немедленно отпра-

вить ко мне о том подробное донесение с приложение брульона и потом ожидать в Смоленске дальнейшего моего предписания.

Подписал: Генерал Адъютант Гр. Бенкендорф

– Весьма толковые указания, – подумалось мне, – разумеется, необходимо в поисках некоей местности делать определённые скидки на прошедшее время и активнее сотрудничать с местным населением. Но что за местность предлагалось отыскать полковнику? Откуда взялся некий план? И что же на этой местности было такого, что на её поиски был направлен не кто-либо, а именно полковник Генерального штаба? И было бы неплохо выяснить, что подразумевается под словом «Брульон». Загадка, хоть и медленно начала проясняться, едва я приступил к изучению следующей страницы, содержащей первый рапорт самого полковника Яковлева.

**20 ноября 1839 г. Секретно. Шефу жандармов, командующему Императорскою Главною Квартирою Господину Генерал-адъютанту и Кавалеру Графу Бенкендорфу.
Генерального Штаба Полковника Яковлева 4-го Рапорт**

Во исполнение почтеннейшего предписания Вашего Сиятельства от 30 Октября за № 126, прибыв в город Оршу, я немедленно приступил к отысканию места означенного на плане приложенному к означенному предписанию.

Первая попытка моя обращена была на ту часть большой дороги ведущей от Москвы через Смоленск к Борисову, где она идёт по правому берегу Днепра, что составляет главное условие отыскиваемого места.

Из приложенной при сём наскоро сделанной карты течения Днепра, относительно Большой дороги, Ваше сиятельство извольте усмотреть, что на всём пространстве от Орши до Смоленска, Большая дорога, та самая, которая существовала и в 1812 году, идёт по левому берегу Днепра, и только в Орше переходит на его правый берег. Между Смоленском же и Дорогобужем, большая дорога хотя и идёт частью по правому берегу Днепра, но отходит от него далеко, так, что определённое на французском плане расстояние дороги от реки (от 2,5 до 3-х вёрст) встречается только близь самого Смоленска и между станицею Пневою и Соловьёвым перевозом; но есть ещё условие здесь не удовлетворяющееся: большой дороги в направлении к северу, в этой местности не усматривается. Кроме, (дороги) идущей от Смоленска в С.Петербург и на город Белый.

Рассмотрев, таким образом, направление большой дороги относительно Днепра, отправился я от Орши по Борисовской дороге; но, проехав 7 вёрст до того места, где большая дорога разделяется на две, из коих одна идёт на Могилёв, а другая удаляется от Днепра через Борисов и Минск, я не мог открыть никакой мельницы, и не усмотрел ничего похожего на данный мне французский план. Одно обстоятельство вывело меня из этого невыгодного положения: Главная Квартира Наполеона (Генеральный штаб французов) при выступлении из России, находилась некоторое время в г. Копысь, за Днепром, откуда она вышла на большую Борисовскую дорогу за Александрией, где отделяется от Могилёвской дороги другая большая дорога, обсаженная берёзами и означенная на плане мною предоставляемом буквами А.Б. Пребывание Главной Квартиры французской армии в Копысь и следование французских войск из Орши частью через Александрию, то есть мимо Главной Квартиры их армии, могло быть поводом, что эта часть большой Могилёвской дороги, была принята за большую Борисовскую дорогу, не взирая на то, что она составляла колено для следования из Орши на Борисов.

Основываясь на этом соображении я отправился далее по большой Могилёвской дороге и не доезжая до Александрии, был обрадован открытием места весьма похожего на означенное на французском плане; по крайней мере соответствующего главным условиям отыскиваемого места, как то Ваше Сиятельство изволите усмотреть из приложенного к сему, глазомерно снятого мною плана:

- 1) Большая дорога идёт по правому берегу Днепра, который в летнее время имеет здесь глубины не более 5 футов;
- 2) дорога удаляется о реки менее 2-х вёрст и при ней есть на ручье мельница, а в 1812 году было таковых две;
- 3) корчма на большой дороге не далеко от мельницы;
- 4) она как теперь так и в 1812 году была окружена леском и кустами, растущими на песчаной почве;
- 5) в нескольких верстах далее идёт от большой дороги другая большая дорога, к северу;
- 6) от д. Копысица идёт дорога около развилки до большой дороги;
- 7) церковь хотя и не на том месте, но есть, и стоит близь Днепра.

То ли это место, которое отыскивается, я утвердительно сказать не смею; но полагаю, что едва ли где-нибудь отыщется более подходящее к данному плану; некоторые несходства, кажется, оправдываются последними словами описания приложенного к французскому плану, где сказано: (далее следует французский текст).

Для сличения плана отысканного места с французским планом, я имею честь представить его при сём в подлиннике, оставив у себя точную с него копию. Завтра я отправляюсь по большой дороге через Смоленск в Дорогобуж для дальнейшего разыскания и потом обратно намерен проехать не по большой дороге, но просёлочными, следуя постоянно по правому берегу Днепра. Хотя же на данном мне плане и показано, что отыскиваемое место находится на большой дороге, но известно, что французская армия шла по обоим берегам Днепра, а от прохождения войск и малые дороги принимают вид больших почтовых трактов.

По возвращению моему в Оршу я буду иметь честь немедленно донести Вашему Сиятельству о последствии моих поисков и ожидать там дальнейших указаний.

11 ноября 1839 г. Орша. Полковник Яковлев

Глава третья: Карта гренадера

Местность довольно искусно и с мельчайшими подробностями изображенная полковником (либо кем-то из его подчинённых) находилась тут же, на отдельном листе, и после небольшого колебания я принял решение отдельно скопировать его в качестве своеобразной иллюстрации к тексту с упоминанием действующих лиц. К рукописной карте прилагалось и достаточно подробное описание её, причём сделанное в сравнении с другим подобным планом, действительно французского происхождения. Поскольку полковник свою карту (так же как и некий исходный образчик) снабдил определёнными комментариями, то я естественно прочитал и их. Вот что там было написано: – **«Примерное описание французского плана, в сравнении к отысканному месту, недалеко от Александрии, в 22 верстах от Орши. Большая дорога, проходящая мимо Александрии, есть та самая, которая существовала в 1812 году, свидетельствуют те берёзы, посаженные по сторонам дороги в Царствование Блаженной Памяти Императрицы Екатерины II, по распоряжению Графа Чернышева; а что дорога эта названа идущей от Москвы к Борисову, тому причиной было расположение Главной Квартиры Наполеона в Копыси и следование армии к Борисову в нескольких колоннах, тем более, что обход ими колена составленное направлением через Александрию незначительное.**

Большая дорога «А. Б.» обсажена берёзами и выходящая на Борисовскую имеет направление к северу.

Речка Копысьщенка пересекает большую дорогу только в двух местах; но сочинитель французского плана не мог себе представить этого странного течения речки впадающей в Днепр, то необходимо должна иметь течение не к Днепру, а обратно, за дорогу. На плане отысканного места это объясняется: пруд, образовавшийся от останков течения речки, находится за дорогой, и из него течёт вода по двум руслам, которые пересекают дорогу и соединяются за нею до впадения в Днепр.

Речка Копысьщенка выше пруда принимает в себя речку Сымлянку, на которой устроена ещё третья мельница.

Все сделанные мною расспросы оспаривают существование мельницы при впадении речки в Днепр; утверждают только то, что прежде был винокурный завод при этой речке, с плотиной и прудом, но не у самого её устья, а близ большой дороги, где буква «Ж». Весенние разливы Днепра, не позволяют строить мельницы на устьях впадающих в него речек.

Кусты, бывшие в 1812 году около корчмы несколько выросли; почва песчаная.

Это может быть д. Копысица, от которой дорога выходит на большую дорогу.

Мельница «а» существовала в 1812 году, равно как и «б», не обозначенная на французском плане.

Близ устья речки Жигалки не было ни церкви, ни часовни, а только один крестьянский двор Жигали. Церковь существует против Александрии, как означено на плане.

Корчма «в» и поныне стоит на том самом месте, где была в 1812 году и сходно с тем как она назначена на французском плане».

Полковник Яковлев

По идее после такого обнадеживающего сообщения, обычно следует скорый доклад о завершении поискового мероприятия. Что же собственно ещё можно искать, если судя по докладу, искомое место уже найдено! И пусть пока мне было не совсем ясно, что именно так настойчиво ищут столь сиятельные особы, но было уже предельно понятно, что ещё

чуть-чуть и тайна будет открыта. Ведь понятно же, что найдено самое основное – точное место захоронения неких сокровищ! Остальное – дело старорежимной землеройной техники в виде крестьян с лопатами. И ответ из Санкт-Петербурга на столь уверенное заявление полковника вроде бы полностью подтверждает такой вывод.

Генерального Штаба полковнику Яковлеву 4-му.

Получив рапорт Вашего Высокоблагородия от 11 сего Ноября за № 65 и при оном препровождённый к Вам с предписанием моим за № 126 французский план и сделанную Вами карту, я нахожу согласно с мнением Вашим, что отысканное Вами место весьма походит на то, которое изображено на помянутом плане. Мне приятно принести Вам искреннюю благодарность мою за Ваши основательные и успешные действия; но поскольку дальнейшее выполнение возложенного на Вас поручения по встретившимся обстоятельствам должно быть отложено на некоторое время, то и покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие возвратиться в С. Петербург в настоящей вашей должности.

Генерал-адъютант Гр. Бенкендорф

И тут же следуют энергичные организационные распоряжения, подготавливающие почву для проведения заключительной части поисков – самими раскопками.

Корпуса Жандармов Г. Полковнику Верейскому.

По высочайшему повелению, препровождая при сём к Вашему Высокоблагородию карту местоположения по большой дороге от г. Смоленска в Оршу, предлагаю Вам немедленно, и притом самым секретным образом разузнать, кому принадлежит деревня Александрия и невдалеке от ней лежащие мельница «а» и корчма «в» с окрестностями по обеим сторонам дороги и донести о том с возвращением карты.

Генерал-адъютант Гр. Бенкендорф

И далее...

Господину Военному министру. Секретно. Рапорт

Командированный в распоряжение моё сходно предписанию Вашего Сиятельства 25-го минувшего октября за № 19 Генерального Штаба Полковник Яковлев 4-й, отправясь по возложенному на него в исполнение Высочайшей воли секретному поручению в Смоленскую Губернию, доставил ныне ко мне довольно удовлетворительным и основательные сведения и счёл я приятно обязанностью изъявить штаб-офицеру сему искреннюю благодарность мою. Но как дальнейшее выполнение означенного поручения по встретившимся обстоятельствам должно быть отложено на некоторое время, то предписав г. Яковлеву возвратиться в С. Петербург к настоящей должности своей, почтительнейше доношу о сём Вашему Сиятельству и приемлю честь покорнейше испрашивать дозволение, когда настоящая будет в нём надобность Полковника Яковлева войти к Вам Милостивый государь, с моим рапортом о вторичном ко мне командировании.

Генерал-адъютант Гр. Бенкендорф

Всё вроде бы у поисковой команды шло неплохо, но что-то шло явно не столь хорошо, как хотелось бы высокому начальству. Из следующего же документа я узнаю, что, несмотря на первый победный рапорт, облечённый высоким доверием монаршей особы полковник, вовсе не был уверен в том, что искомое место найдено им точно и однозначно. Иначе чем же объяснить следующий доклад Яковлева, который последовал вскоре вслед за первым.

«В дополнение рапорта моего Вашему Сиятельству от 11 ноября за № 65, имею честь почтительнейше донести, что я окончил обозрение большой дороги от г. Орши через г. Красный и Смоленск до г. Дорогобужа и просёлочной дорогой по правому берегу Днепра вверх и вниз его, по направлению к г. Белому и Духовщине, а так же от с. Камани до Сырокоренья, где переправился через Днепр Маршал Ней, будучи сбит с большой дороги перед Красным у речки Лосмины.

На всём этом пространстве, одно только место подходит к данному мне от Вашего Сиятельства французскому плану. Эта часть большой дороги от Смоленска к Дорогобужу между станциями Бредихиной и Пневой Слободой в 7 верстах от первой на границе Смоленского и Духовского уездов, где двор Цурики, Князя Николая Андреевич Долгорукого.

Представляется на благоусмотрение Вашего Сиятельства план этого места, я имею честь присовокупить, что он сходен с французским планом в следующем: 1) Найденное место находится на правом берегу Днепра. 2) Глубина его в этом месте такова, что летом переходят через него бродом. 3) Большая дорога пересечена протоками речки Хмости в трёх местах. 4) На средней протоке есть мельница при большой дороге.

5) В 1812 году был питейный дом на том месте, где он означен на французском плане. 6) Вверх по речке Хмость есть слобода Васильево, на её правом берегу. 7) Дорога от Сл. Васильевой выходит на большую дорогу близь моста. 8) От большой дороги отделяется к северу дорога, обсаженная в один ряд старыми липами, которая могла быть принята за почтовую. 9) На речке Хмости ниже есть другая мельница. 10) Около речки, близь большой дороги и мельницы есть и были в 1812 году, кусты, а ниже лес. 11) Возвышенность подле бывшего питейного дома песчаная.

Несходство с французским планом заключается в следующем: 1) Расстояние большой дороги от Днепра не от 2,5 до 3 вёрст, но не менее 10 вёрст. 2) Каменная церковь Св. Иоанна Предтечи не близь Днепра, а за большой дорогой. 3) Некоторые деревни ныне существующие и в 1812 году бывшие на том же месте, не означены на французском плане; но быть может, они были разорены и поэтому не замечены.

Представляя всё это на благоволение Вашего Сиятельства, имею честь Почтительнейше присовокупить, что я должен ограничиваться в изысканиях моих вышеозначенными сведениями и помещёнными в рапорте моём за № 65, ибо другого места, больше подходящего к французскому плану мною не открыто, и я имею честь ожидать теперь в г. Орше дальнейших приказаний Вашего Сиятельства. Ускорить же сделанное мною обозрение я никак не мог, как по краткости дней, так и потому, что по просёлочным дорогам почти невозможно ездить: везде гололедица, крестьянские лошади не кованы, а спуски к оврагам ручьёв, текущих в Днепр, так круты, что по ним должно было сходить пешком и съезжать сидя на рогоже, а всходить (подниматься наверх) при помощи проводников. Таким образом, я во весь день не мог проезжать более 20 или 25 вёрст.

Днепр покрыт льдом ещё только до Дорогобужа, а далее вниз мимо Смоленска, Орши и Могилёва везде имеет ещё открытое течение, и переправы производятся на паромов.

20. Ноября 1839 г. Полковник Яковлев

А это, на мой взгляд, было бы забавно, если бы не было так грустно. Иными словами, оказавшийся в столь щекотливом положении и определённо желающий подстраховаться со всех сторон, полковник провёл поистине циклопическую работу. Не поленился проехать во-о-обще по всем дорогам, по которым так или иначе, вправо или влево, вверх или вниз, но именно по правой стороне Днепра, где в 1812 году передвигались воинские колонны и обозы Великой армии Наполеона. И в результате, вроде как в качестве некоего сомнительного бонуса – он находит ещё одно очень подходящее место. Называется оно – двор Цурики (современное Цурьково) и расположено было при пересечении реки Хмость со старой дорогой Дорогобуж – Смоленск.

Таким образом, к 20 ноября 1839-го у него уже есть два частично похожих места, но, ни одного **абсолютно похожего!** Яковлев не на шутку встревожен, и явно находится не в своей тарелке. Гораздо лучше было бы, если бы нашлось всего одно место, в котором присутствовали все известные ему приметы. Но сомнения сомнениями, а в высоких штабах всё уже решено и согласовано. К тому же с мест подходят рапорты от иных подчиненных Бенкендорфа, максимально и всесторонне освещающих обстановку в деревне Александрии.

15 февраля 1840 г. Секретно

Для секретнейшего исполнения возложенного на меня поручения – был секретным образом в Оршанском уезде, я узнал: что не деревня, а местность Александрия, отделяемая от города Копыся только рекой Днепром, принадлежит Коллежской Советнице Софье Степановне Герасимовой, которая имеет на службе четырёх сыновей: (пропуск); две дочери (пропуск)!

Доход от имения получает незначительный, потому что м. Александрия, находясь, как выше значится от города менее 2-х вёрстной дистанции, не пользуется правом вольной продажи вина, а подлежит откупу.

Мельница на карте означенная под литерой «а» в аренде у еврея, принадлежит ей Герасимовой; но корчмы «Г» и по другую сторону большой дороги «в» с прилегающими к ним окрестностями принадлежат: первая Графине Воронцовой, а вторая бывшая доминиканская, и поступившая в казну, ныне в аренде у Г-на Шебеки, о чём почтеннейшее донося Вашему Сиятельству, честь имею представить бывшую у меня карту.

Полковник Верейский

– Тайная полиция во все времена туго знала своё дело! – решаю я. Провели глубокую разведку на местности и подготовили почву для начала более решительных действий.

Нетерпение моё росло с каждой минутой, и руки уже непроизвольно тянулись к последней странице, в которой (как я тогда полагал) и содержится разгадка этой завораживающей интриги. Но, вовремя вспомнив, что передо мной вовсе не роман Агаты Кристи, я продолжил методичное и пристальное чтение. И вот наконец-то из бездонных недр «Дела» появился документ, в котором хоть что-то говорилось об основной сути секретного поручения полковнику Яковлеву. Невольно обратив внимание на дату очередного документа, я углубился в его изучение.

Секретно. Милостивый Государь Князь Пётр Иванович!

По Высочайшему Государя Императора повелению Генерального Штаба Полковник Яковлев командирован в Смоленскую Губернию, для обозрения некоторой прибрежной части р. Днепра. Поелику выполнение поручения сего может в настоящее время встретить остановку, по причине случающейся обыкновенно весною разлива означенной реки, то, не желая преждевременно отправлять отсюда г. Яковлева, я имею честь обратиться к Вашему Сиятельству с покорнейшей просьбою почтить меня Вашим Милостивым Государем уведомлением, коль скоро воды Днепра вступят в берега свои и по моему тому обозрению не будет представлять никакого затруднения.

**Подпись: Генерал-адъютант Гр. Бенкендорф
24 апреля 184 °С.Петербург**

Прочитанных листов становилось всё больше и больше, но ясности всё не прибавлялось. Ведь согласитесь, всё же не дело полковника Генерального штаба Российской империи шастать вдоль Днепра, выглядывая..., да, а что же, собственно говоря, выглядывая? Мне так и не было понятно, что же именно должен был отыскать господин Яковлев? Завеса секретности была всё так же непроницаема, и только вчитавшись в содержание следующей бумаги, я с облегчением узнал, за чем именно велась столь масштабная «сиятельная» охота.

Итак, вот он тот заветный документ, отправленный из Санкт-Петербурга 10 мая 1840 года всё тем же неутомимым графом Бенкендорфом.

«До сведения Государя Императора дошло, что при отступлении французской Армии в 1812 году небольшая казна Наполеона была оставлена в России и зарыта в землю. По некоторым данным, место, заключающее сокровище сие должно находиться около дороги, ведущей от г. Могилёва в г. Оршу, близ местечка Александрии».

В исполнение Высочайшей Его Величества воли отыскание оной казны возложено на Полковника Генерального Штаба Яковлева 4-го и состоящего при мне Адъютанта Кавалергардского Ея Величества полка Штаб-ротмистра Князя Кочубея. И как офицеры сии при выполнении одного поручения встретят необходимость в содействии Земской Полиции; по сему приемлю честь покорнейше просить Ваше Сиятельство о зависящей от Вас милостивый государь, распоряжении, дабы местные Полицейские чиновники удовлетворяли немедленно всякому законному требованию г.г. Яковлева и Князя Кочубея, особенно в достаточном потребного числа рабочих людей, а так же чтобы и со стороны владельца, на земле коего будет происходить разыскание, не было никаких к тому препятствий.

На случай отыскания зарытых денег, предписано доставить оные в г. Смоленск и доложив предварительно Вашему Сиятельству, сдать их в тамошнюю Казённую Палату (хранилище); почему и не благоугодно ли будет Вам Милостивый Государь, предложить в то время Палате сей принять означенные деньги, и в таковом принятии выдать полковнику Яковлеву и Штабс-ротмистру Князю Кочубею документ, за подписанием Председателя и всех членов оной палаты».

— Небольшая казна, это сколько же будет по весу? — мигом представил я громоздящиеся на столе пирамиды монет. Килограмм пятьдесят золота? А может быть и все сто? Вряд ли российский император поднял такие силы на поиски этой самой казны, если бы там было нечто менее значительное! Интересно, нашли они её, в конце-то концов, или же вся затея окончилась полным провалом?

Пытаясь ответить на этот вопрос, я с сомнением взглянул на всё ещё толстую пачку непрочитанных документов и смутно догадался, что такая куча бумаги может содержать в себе самые необычные повороты сюжета. Чтобы как-то продлить удовольствие я сходил на кухню, приготовил себе чаю и два бутерброда с сыром, после чего вернулся за стол. Пока я с удовольствием отхлебывал приправленный лимоном напиток и прожёвывал очередной кусок, то успевал ознакомиться с очередной депешей, которые, словно призраки пролетали передо мной непрерывной информационной чередой.

**Секретно. Генерального Штаба Господину Полковнику
и Кавалеру Яковлеву 4-му**

Получив уведомление Г(осподина). Военного Министра, что с Высочайшего разрешения Ваше Высокоблагородие снова командированы в распоряжение моё для окончательного выполнения поручения, по коему вы уже ездили минувшей осенью в Смоленскую Губернию, предлагаю Вам отправиться нынче вторично в оную Губернию обще с состоящим при мне Адъютантом Кавалергардского Ея Его Величества полка Штабс-ротмистра Князя Кочубея, из полученного ко мне предписания моего № *** Вы усмотрите настоящую цель командировки, почему я и прошу Вас по совершённом объяснении, что место, показанное на первоначально доставленного Вами ко мне брульоном, ближе всех других подходит на отыскиваемое, приступить к открытию самих денег и если таковые действительно найдены будут, то распорядиться с ними, как сказано в означенном предписании, а по исполнению сего обязываетесь Вы возвратиться в С. Петербург к месту служения Вашего.

**Мая 10 дня 1840. Секретно.
Состоящему при мне Адъютанту
Кавалергардского Ея Его Величества полка
Господину Штабс-ротмистру Князю Кочубею**

Государь Император получив через посланника нашего в Париже записку о зарытых в землю деньгах из казны Наполеона, во время отступления из России в 1812 году Французской армии, Высочайше повелеть мне соизволил распорядиться к исследованию справедливости заключающихся в оной записке сведений. Во исполнение такой Монаршей воли был командирован минувшей осенью в Смоленскую Губернию, для предварительной рекогносцировки Полковник генерального Штаба Яковлев 4-й, который отыскал около дороги из г. Могилёва в г. Оршу местоположение, весьма подобное изображённому на приложенном при означенной записки плана № 1.

После такового открытия поручая Вашему Сиятельству окончательное за сим разыскание о сокрытых деньгах обще (совместно) с Полковником Яковлевым и провождая к Вам вышеупомянутую записку с планом № 1 и брульон, представленный мне г. Яковлевым, предлагаю Вам отправиться с Штаб Офицером сим получившим от меня о том предписание, в Смоленскую Губернию, и когда он убедится, что найденное им местоположение больше всякого другого сходствует с французским планом; то по соглашению с ним, вместе тот час приступить к открытию денег, потребовать для сего необходимое число людей рабочих от местного Земского исправника.

А дабы от Земской полиции оказываемо было Вам должное содействие и удовлетворение всех Ваших и Полковника Яковлева законных требований, равно и со стороны владельца той земли, в коей будут отыскиваться деньги не было делано никаких

препятствий, отношусь я о том к Военному Губернатору г. Смоленска, коему и обязываюсь Вы лично вручить прилагаемый при сём секретный конверт за № 14.

В случае отыскания зарытых денег, Вы доложите о том, какой монетою и в каком количестве оных найдено будет, составить акт за общим Вашим подписанием, пригласив к тому и Земского Исправника, а потом деньги сии следует отвести в г. Смоленск и, доложив об оных Военному Губернатору Генерал-майору Князю Трубецкому, сдать их в тамошнюю Казённую палату, получив в принятии документ за подписанием Председателя и всех членов Палаты.

По исполнению чего, и по представлению ко мне по почте рапорта о действиях Ваших вместе с окончательным актом и документами имеете отправиться дальше, для выполнения другого поручения возложенного на Вас предписанием моим от сего числа за № 2066.

Подпись: Граф Бенкендорф.

Проклятое и совершенно непонятное слово «Брульон» вновь попало мне на глаза, что невольно притормозило скорость чтения. Сняв трубку телефона, я на ощупь набрал телефон Михаила Воркунова, вместе с которым некогда заканчивал одиннадцатый класс московской школы № 283. Трубку взяла его жена Наталья.

– Мишуни дома нет, – певучим голосом сообщила она, – и когда придёт, не знаю.

– А может быть, ты мне поможешь? – заторопился я, – чувствуя, что она собирается повесить трубку.

– В какой же области требуется помощь? – тут же заинтересовалась она.

– В области языкознания!

– Ну-у, здесь я несомненный «специалист», – хохотнула она. За день так на работе наговариваюсь, что язык опухает.

– Я не про то. У вас дома случайно нет франко-русского словаря?

– Зачем он тебе?

– Да здесь мне попало одно французское словечко, и мне крайне любопытно выяснить, что оно означает.

– Словарь у меня где-то есть, но вот так сразу отыскать его я вряд ли смогу! Сам знаешь, какие у Мишунки везде завалы! Но ты его произнеси, может быть, я и на слух вспомню.

– Так ты что, – обрадовался я, – французский знаешь?

– Не то чтобы очень хорошо, – голос Натальи заметно увял, – но в школе я именно его и изучала.

– Слово звучит как «брульон», – постарался я выговорить как можно более правильно.

– Бульон? – недоверчиво переспросила она. Так это же такая жидкость, которая образуется при варке мяса...

– Брульон, а не бульон, – буквально закричал я в микрофон, – улавливаешь разницу?!

– А, поняла. Так брульон, как мне вспоминается, это что-то из области рисования. Набросок, чертёжик, что-то в этом духе...

Выяснив значение непонятного слова, я вновь вернулся к своему занятию. Становилось ясно, что на руках у Яковлева имелся некий эскиз какой-то местности, и основной его задачей было отыскать такой район на просторах между Вязьмой и Дорогобужем, который бы в максимально степени соответствовал тому, нарисованному неизвестно кем, эскизику. Но кто изначально нарисовал данный «брульон», и почему рисовавший не был привлечён к поискам, мне было абсолютно не понятно. Видимо речь об этом шла как раз на тех страницах, которые я не мог прочесть. Тем временем события в старорежимном Санкт-Петербурге развивались стремительно.

14 мая 1840. Секретно.

**Шефу Жандармов, Командующему
Императорской Главной Квартирой Господину
Генерал-адъютанту и Кавалеру Графу Бенкендорфу**

На предписание Вашего Сиятельства от 24 Апреля за № 13 имею честь донести, что воды реки Днепр вступили в берега и Полковнику Яковлеву, командируемому для обозрения некоторой прибрежной части, в отыскании сего не может встретиться никакого затруднения в исполнении возложенного на него поручения.

Генерал-майор Князь Трубецкой

— Короче говоря, — решил я, — только к следующему лету все необходимые приготовления к завершающей части поисковой операции были сделаны, и со дня на день можно было ожидать от высокопоставленных копателей доклада о ходе раскопок. Как я и ожидал, данная бумага не замедлила появиться. Но совершенно не того содержания, какого я ожидал. Вместо победных реляций моему ищущему взору предстало нечто совершенно иное.

18 июня 1840. Секретно.

Генерального Штаба Полковник Яковлева. Рапорт.

На почтеннейшее предписание Вашего Сиятельства от 10 мая за № 15 сим имею честь донести, что по сделанным надлежащим изысканиям при М(ызе). Александрии в земле, к сожалению, ничего не найдено. Рвы были прорыты во всех направлениях, глубиною от 2,5 до 3 аршин и потом железными щупами длиною до 4,5 аршин всё пространство, ограничиваемое течением реки, и большой дорогою проникнуто в шахматном порядке, расстояние дыра от дыры на 1 аршин. Где встречалось какое-либо сопротивление, там немедленно вскрывали, так что на глубине семи аршин не осталось нигде сомнительного места.

Видя таковую неудачу, произвёл я дальнейшую рекогносцировку от Орши до Борисова, но на этом пространстве не мог отыскать места подобного изображённому на французском плане. Вслед за сим, для последней попытки отправляюсь я вместе с Адъютантом Вашего сиятельства Князем Кочубеем в Смоленскую Губернию, на место, представленном на плане, снятом мною в Ноябре прошлого года.

Полковник Яковлев № 185 9 июня 1840 М. Александрия

Глава четвёртая: Бесплодные хлопоты

Не успел я посочувствовать бедному полковнику, как тут же выяснил, что именно по тому же поводу писал князь Кочубей. Одну часть его доклада, на мой взгляд, самую существенную, я прочитал даже несколько раз подряд.

«... прибыли на станцию Александрию 20-го числа текущего месяца по совещанию с Полковником Яковлевым приступил к пространству земли заключающую между обеими ветвями речки впадающей в Днепр, было в присутствии каждого из них изрыто пересекающимися канавами шириной в три с половиной сажени и глубиной в два с половиной аршина. То же самое пространство было после того пройдено щупами в четыре с половиною аршина. При малейшем сопротивлении я взрывал землю, но без всякого успеха...»

**Штаб-ротмистр Князь Кочубей
№ 25 Александрия, Июня 9-го**

– Вероятно для производства столь масштабных раскопок, – быстро сообразил я, – было привлечено довольно большое количество народа, об этом особо упоминает наш Князь Кочубей. Ведь кроме крестьян, без счёта набранных в ближайших деревнях, была истребована из Могилёва специальная команда в 12 жандармов при одном унтер-офицере. Но если все усилия наших высокопоставленных поисковиков были тщетными, то это означает только одно – они просто искали не в том месте. Это была для меня радостная весть, однако поначалу я не понял, отчего она меня столь сильно воодушевила.

В следующем рапорте Кочубей честно пытается проанализировать причины, постигшей их неудачи. Такой анализ от непосредственного участника событий – просто елей на сердце любого человека, прикоснувшегося к краешку тайны, тем более что это косвенным образом подтверждало мою догадку. Ведь в таких откровениях непосредственного участника событий могут неожиданно всплыть доселе неизвестные и не оглашённые ранее подробности. И действительно при внимательном прочтении текста, я обнаружил весьма показательные строки.

«...доношу Вашему Сиятельству, что оное местоположение, предназначенное для взаимных наших изысканий, в некоторых только частях соответствует с французским планом. Действительно, река, пересекающая своим извилистым течением почтовую дорогу в трёх местах на французском плане, здесь пересекает оную в двух только местах и, следовательно, вместо трёх мостов, необходимых для проезда по дороге, существует оных только два. Местность со времён прохождения французской армии могла измениться, ибо почва земли весьма рыхлая (видимо хотели написать рыхлая) и плотины, существующие для водяных мельниц, были за десять лет смыты напором воды в весеннее время, что мог заключить из собранных мною вестей. Я приступил к взрытию земли 2-го числа текущего месяца, почёв (предпочёл) необходимым занимать большое количество людей для скорейшего хода занятий, привлекающих на себя любопытство окрестных жителей и проезжающих по большой дороге. По совещанию с Полковником Яковлевым я разрезал весь участок земли двумя большими поперечными каналами шириной в три сажени и больше, глубиной...»

Окончив изыскания, предназначенные мне Вашим Сиятельством в Могилёвской Губернии, отправляюсь в Смоленскую Губернию для продолжения оных...»

Поскольку изначально экспедицией Яковлева было найдено два места, в которых подозревались наличие крупных денежных захоронений, то мне показалось естественным, что сиятельные кладоискатели начали с самого ближайшего к столице государства местности. Ведь столица Российской империи в те времена была в С-Петербурге, и Могилёвская губерния, была расположена к ней гораздо ближе, нежели Смоленская губерния. Но раз там их ждала неудача, то несомненно, что они поехали на второе. Любопытству моему не было предела. Дрожащими от волнения руками я перевернул следующую страницу и принялся читать рапорт князя Кочубей от 25 июня.

«Окончив изыскания, порученные от Вашего Сиятельства в Могилёвской Губернии, я отправился вследствие предписания Вашего от минувшего мая месяца 10 дня за № 16 обще с Полковником Яковлевым в Смоленскую Губернию Смоленского Уезда в деревню Цурики, место, предназначенное для новых исследований. Вашему Сиятельству известно (неразборчиво) Яковлева в первое его путешествие, что местность здесь ещё менее сходствует с французским планом, чем Могилёвской Губернии деревне Александрии. Не смотря на то, всё пространство, заключающееся между ветвями речки облегающей деревню Цурики, было тщательным образом обойдено длинными щупами Почва земли песчаная в иных местах каменистая. При малейшем сопротивлении я взрывал землю, но без всякого успеха. Не смотря на все усилия, я не мог найти цели возложенного на меня от Вашего Сиятельства поручения.

В соответствии предписания Вашего от минувшего Мая месяца за № 2006, отправляюсь в Саратов для приведения в исполнения второго поручения возложенного на меня от Вашего Сиятельства».

Заодно я посчитал не лишним изучить его аналогичное донесение своему непосредственному начальнику.

**Москва Июня 18 дня 1840 года. № 35. 23 июня 1840. Секретно.
Господину Начальнику Штаба Корпуса Жандармов
свиты Его Императорского Величества
Генерал-майору и Кавалеру Дубельту Рапорт.**

Рапортом моим от текущего июня месяца 9-го дня за № 26 честь имею довести до Вашего Превосходительства неутешительные мои действия в Могилёвской Губернии. В содействии предприятия Вашего от минувшего мая месяца 20-го дня за № 11 я отправился в Смоленскую Губернию для дальнейших изысканий. (Пропуск) ...в которых только маленькая партиях (эпизодах) сходится с французским планом. Не смотря на то, я обще (совместно) с Полковником Яковлевым принял все нужные меры для самого тщательного осмотра местности. Но и здесь всевозможные исследования прошли без всякого успеха.

Окончивши таким образом все исследования порученные мне по Высочайшему повелению, честь имею донести до сведения Вашего Превосходительства, что отправляюсь в Саратов...»

Гвардии Штаб-ротмистр Князь Кочубей

Итак, едва я выяснил для себя истинное значение загадочного слова «Брульон», и дочитал удручающие рапорты официальных лиц о полной неудаче всего предприятия, как меня буквально обуяли самые вожаделенные мысли. Переместившись на диван, я закинул руки за

голову, закрыл глаза и благостно погрузился в самые приятные рассуждения, какие только может испытывать не слишком обременённый домашними хлопотами мужчина. Перед моим внутренним взором, словно страницы приключенческого романа начали раскрываться картины предстоящих подвигов. Вот я открываю истинное местоположение клада полковника Яковлева. Вот вгрызаюсь в землю острым как бритва заступом. Вот мои руки погружаются в груды сверкающих золотых кружочков, и пальцы просто купаются в весело позвякивающем золоте.

А далее мои мысли и вовсе воспарили в заоблачные дали. Я, то летел в личном самолёте, окружённый сонмом обольстительнейших стюардесс, то на борту шикарной яхты вдохновенно бороздил неведомые лазурные моря, примерно в такой же замечательной компании. Впрочем, вскоре зеркальную поверхность виртуально-сказочного моря зарябила бурными волнами, а у самолёта внезапно заглох двигатель. Одна простенькая мыслишка разом разрушила все мои блестящие мечты. Крайне некстати вспомнилось о том, что я пока тоже не знал того, где же на самом деле была закопана малая касса Наполеона. И сколько бы денег в ней не содержалось, она была для меня столь же недоступна, как и поверхность Луны. Я со вздохом поднялся с дивана, и уже не пытаюсь удержать в памяти обрывки своих мечтаний, принялся собирать разбросанные по столу листы в аккуратную стопочку. И надо же было такому случиться, что когда я укладывал ту их часть, где содержался французский текст, часть листов сместилась, и перед моим взором предстал уголок ещё одной рукописной карты.

– Ура, – едва не закричал я на весь подъезд, – так вот он каков «План № 1»! Что же я его раньше-то не заметил?

Я уселся на стул и впился глазами в незамысловатый рисунок в надежде на то, что мигом разгадаю все его загадки. План и впрямь был несложен и в то же время достаточно подробен. Широкая река, украшенная стрелочкой, и втекающая в неё с севера речка поменьше. Столь прихотливо извилиста была та скромная речка, что её в трёх местах пересекала некая дорога. На одном из извивов её, как раз посередине между двумя мостами был нарисован аккуратный крестик, который как было нетрудно догадаться, и означал место захоронения искомой кассы. Но что означали остальные значки и кружочки, изображённые на карте, так и оставалось для меня загадкой. Ведь все прочие пояснительные надписи были сделаны на непонятном для меня французском языке. Впору было закуривать и начинать ломать голову над тем, где отыскать хорошего переводчика. Но поскольку я сроду не курил, то просто вышел на балкон, слегка охладить свою не в меру перегретую голову.

– В принципе, найти переводчика с французского не так уж и трудно, – размышлял я, рассеянно глядя на сидящих у противоположного подъезда старушек. Вот только как соблюсти приличествую случаю секретность? Чёрт знает, что там на самом деле понаписано в офранцузенных документах Дела № 31? А вдруг первым обо всём узнает именно переводчик, чужой и никому неизвестный человек. И почему бы ему самому не заняться поисками клада, имея все козыри на руках? А мне он может потом предоставить несколько иной перевод, слегка, что ли подкорректированный. Ведь проверить его я всё равно не смогу! Для этого придётся искать другого переводчика!

Проблема сохранения столь эксклюзивной информации была столь важна, что, поразмышляв ещё немного, я решил привлечь к первому в своей жизни кладоискательскому проекту лишь чету Воркуновых. Это было удобно и практично сразу по нескольким причинам. Во-первых, Наталья утверждала, что пусть и слабо, но знала французский язык. Пусть ей не доставало практики, и многое элементарно забылось, но основы она помнила. Во всяком случае, ей будет куда как проще возобновить полузабытое, нежели мне выучить то же самое с нуля. Во-вторых, с самим Михаилом мы были знакомы достаточно давно, чтобы доверять друг другу даже в столь деликатной сфере. К тому же он имел высшее образование и мог при случае посоветовать нечто весьма дельное.

Но самое главное состояло в том, что эта пара являла собой классический пример принципиальных и крайне консервативных домоседов. Насколько я мог убедиться, дальше своей дачки в Апрелевке они никуда не выбирались, неизменно отвергая мои предложения съездить на отдых за рубеж или даже в привычный Крым. Так что я мог быть гарантированно уверен в том, что, даже имея на руках часть дела полковника Яковлева, они точно не бросятся очертя голову в ближайший лес с лопатами.

И в ближайшее воскресенье я без особого приглашения заявился к моему другу на его крохотный шестисоточный участок, украшенный столь же скромной деревянной хибаркой. Чтобы не выглядеть невежливым, я намариновал мяса для шашлыка и припас бутылочку хорошего анапского кагора. После обеда на свежем воздухе, когда вино и сочное мясо несколько ослабили критическое осознание реальности, я исподволь завёл разговор о деле Яковлева. Не торопясь поведал буквально разинувшим рты супругам о том, как попали ко мне ксерокопии секретного дела, а также в подробностях и лицах рассказал о том, что мне из него удалось узнать. Особый акцент я сделал на том факте, что «малая касса» так и не была обнаружена, несмотря на все старания.

– Так может они денежки-то те, втихомолку и прикарманили? – задумчиво отозвался Михаил, когда я замолчал.

– Кто?

– Кочубей с Яковлевым. А что? Запросто могли! Под покровом ночи, например...

– Окстись, Миша! – звонко хлопнула его по спине Наталья. Это же были не какие-то там нищие советские голодранцы, а образованные господа! Князь и полковник генерального штаба! О чём ты говоришь? Да к тому же не они сами занимались раскопками-то. Небось, землю-то у них копали мужики, да военные сапёры. И если бы те что-нибудь отыскиали, то тут же об этом узнали бы все. Ты подумай сам, зачем им было карьерой своей рисковать, что-то там втихомолку присваивать? Они, надо полагать, не бедные были люди!

– Денег всегда не хватает! – сыто рыгнул Михаил. Я бы, например, не отказался, хотя бы от горсточки тех денежек. Интересно, они у французов были золотые или серебряные?

Он пристально взглянул на меня, и сразу стало понятно, что мой рассказ его заинтересовал не на шутку. Но ответить по существу мне было нечего, поскольку и в этом вопросе я пока был полным профаном. Впрочем, быстро нашёлся, что ответить.

– В этом деле ещё очень много неясного, – пожал я плечами. Переписка, в том числе и официальная, зачастую велась на французском языке. В данном деле тоже масса страниц на французском. И среди них есть даже карта, на которой крестиком указано место захоронения неких ценностей! Вот только совершенно непонятно где же расположено именно это место, поскольку комментарии к ней тоже следует перевести. Короче говоря, нужно непременно отыскать грамотного переводчика.

– Неужели мы сами эту безделицу не осилим? – грузно пододвинулся ко мне Воркунов. Вот и Натаха моя во французском неплохо разбирается. Правда, ведь, подружка? – цепко обхватил он её за талию. Если дружно навалимся, мы эту страничку за час распатроним!

– Страничку! – недовольно фыркнул я. Да этих страничек там, в общей сложности, штук пятнадцать будет, не меньше! Так что к этому вопросу нужно подходить со всей серьёзностью. Думаю нечётные страницы отдать одному переводчику, а чётные другому. Когда всё будет готово, мы просто сложим их по номерам и прочтём тексты от начала до конца.

– Рискованно всё это, – принялся с жаром возражать Михаил. Один Бог знает, какие у этих переводчиков могут появиться мысли и подозрения. Может быть, они там все между собой связаны, как в сицилийской мафии. Запросто могут друг с другом договориться и соединить разрозненные листки. Ты лучше подумай ещё разок, прежде чем показывать материалы дела № 31 ещё кому-то!

Я едва сдержал улыбку. Было предельно ясно, что мои усилия даром не пропали и Михаил перепуган не на шутку. Теперь следовало закрепить успех, и словно фокусник на арене цирка, я вытащил из внутреннего кармана ветровки сложенные вчетверо два первых листа «Дела». Расправив их на столе, я для пущей убедительности постучал по ним пальцем.

– Если ты так настаиваешь, то для начала можете ознакомиться с парой этих документов. Поскольку в деле Яковлева они самые первые, то весьма возможно нам удастся узнать, с чего собственно началась эта история.

– А, узнав, как она начиналась, – с готовностью подхватил мой друг, – мы узнаем, почему она окончилась неудачей! Натусик, солнышко, – тут же пододвинул он листочки супруге, – взгляни, будь добра, на эти бумаги. Может быть, что-то здесь поймёшь и без словаря?

Наталья скептически взглянула на бледноватые ксерокопии, но всё же взяла одну из них и поднесла к глазам.

– **Довожу... до Вашего Сиятельства... предсмертного..., или предсмертную...** – неуверенно произнесла она, то и дело запинаясь, – **при отступлении французов..., Дорогобуж, Смоленск, Орша..., где расположено..., сокровища..., найдены.** Нет, мальчики, крайне трудно вот так с налёта! – недовольно сморщившись, отложила она листочек в сторону. Буквы здесь уж очень мелкие, а некоторые слова без увеличительного стекла вообще разобрать невозможно!

– Мне собственно и не горит, – переместил я листочки ближе к Михаилу. Ознакомьтесь с ними дома, не торопясь, вдумчиво. Сами понимаете, разгадка этой истории может таиться в одном единственном слове. Поэтому, прежде чем браться за окончательный анализ имеющейся у нас информации, следует сделать очень качественный перевод всех имеющихся текстов!

На этом мы и порешили. Сами супруги Воркуновы брались за перевод значительной части доставшегося мне собрания документов. Я же должен был найти максимально точные карты среднего течения Днепра, по которым можно было бы визуально отыскать заветное место. Надо сказать обе эти задачи оказались очень и очень непростыми, и мы провозились с ними всю осень и часть зимы. Что касается поиска старых карт, то это отдельная история, а вначале хочу рассказать о том, как мы работали с текстами. Не желая выпускать контроль за наиважнейшей фазой расследования, я регулярно навещался на улицу Народного ополчения, где мы корпели над переводом вместе. С той самой поры я безмерно уважаю труд всяческих переводчиков, будь то переводчиков технических текстов, или же литературных произведений. Достаточно самой маленькой халатности или небрежности, и мгновенно утрачивается либо техническая скрупулёзность, либо литературное очарование.

В этом я имел возможность убедиться во время нашего первого же переводческого собрания. Прежде всего, мы столкнулись с совершенно неожиданной проблемой. Довольно быстро выяснилось, что почти все исходные письма были написаны чрезвычайно мелким почерком, распознавание которого было затруднено из-за неоднократного копирования текста. И нам пришлось, прежде всего прочего, заниматься элементарным отождествлением букв, отдельных слов, и даже целых предложений. Поэтому каждый раз приступая к работе, мы вооружались трёхкратной лупой и, разглядывая строку за строкой, старались точнейшим образом воссоздать оригинальный текст. При всём при этом почти всегда сохранялась вероятность того, что окончательный вариант того или иного слова не совсем соответствовал авторской задумке.

Так что мы для начала вручную переписали все малопонятные страницы, отобразив друг под другом несколько вариантов написания спорных слов. Собственно говоря, только потом началась сама работа по их переводу. И сразу же выявилась ещё одна неприятность. В современном франко-русском словаре напрочь отсутствовали многие из тех слов, кото-

рые мы собрались переводить. Впрочем, этого и следовало ожидать. Ведь доставшиеся мне документы были написаны без малого двести лет тому назад. Ожидать, что расхожие термины эпохи Александра Сергеевича Пушкина доживут до наших дней, было, по меньшей мере, наивно.

Пришлось буквально облазить всю букинистическую Москву, пока наконец в неприметном магазинчике на Кузнецком мосту Наталье не попался нужный словарь, изданный в славном городе Киеве аж в 1902-м году. И только с этого момента работа над разгадкой «Дела императорской канцелярии», как мы его называли между собой, сдвинулась с мёртвой точки. И первая же расшифрованная страница вызвала в нас небывалый подъём энтузиазма. Но прежде мы полностью прочли вводную докладную записку графа Панина, которую ранее не смогла одолеть Наталья, во время дачных посиделок.

Санкт Петербург, 8 октября 1839.

Господин Граф!

Настоящим довожу до сведения Вашего Сиятельства докладную записку относительно предсмертного заявления королевского сержанта Семашко, сделанного Князю Сапеге о значительном монетарном кладе, заложенном при отступлении французов в 1812 году по большой дороге Дорогобуж – Смоленск – Орша. Приметы, которые даны в помощь на двух картах так (неразборчиво), что позволят легко узнать, где расположены (неразборчиво) и сокровища могут быть действительно найдены.

Затем мы взялись за самое лакомое блюдо, как бы приданное к рукописной французской карте, т. е. за письмо некоего Евстахия Сапегы, по-своему весьма любопытное. Конечно, перевод наш был довольно коряв и литературно убог, но нам удалось сохранить главное – его смысловую достоверность, что на тот момент было гораздо важнее. Вот о чём писал некогда весьма известный и влиятельный вельможа: – «Когда я приехал в Париж в 1819 году, то я возобновил некоторые знакомства, и в том числе с русским господином Семашко, которого я не приглашал, и которого я нашел очень больным, и который рассказал мне о последнем периоде своей легочной болезни. Семашко мне рассказал, что (ранее) он был в отношениях с моей семьей и, доверил мне историю обо всем, что касается вопросов (некоего) богатства.

В тоже время он меня попросил спрятать тайное письмо и взял с меня обязательство не передавать его никому кроме него самого, но которое он мне разрешил вскрыть в том случае если он сам (т. е. Семашко) умрет без меня, и не заберет назад бумаги, которые он отдал на хранение в мои руки. Он добавил, что имеет доверие ко мне и посоветует своим детям обратиться ко мне в случае успеха.

Незадолго до смерти Семашко мой доверитель в то время разрешил мне вскрыть пакет и найти согласно моему ожиданию одно рекомендательное письмо для человека Антуана Ливски, свояка Семашко который проживал в (имении) Черевути около города Слуцка в Минской губернии, но который переехал в Ливилу около Видзе в Вильнюсскую губернию.

Историческая легенда рассказана самим Семашко так, как он её знал сам. Во время отступления французской армии 1812 году малая касса (войск) Наполеона перевозилась в фургоне, который всегда сопровождал батальон охраны (который следил за ее сохранностью). Она (касса) в то время содержалась в виде укладки предотвращающей нарушение упаковки и содержащей по 50.000 Наполеондоров каждая.

(При реальной угрозе захвата кассы) Семь бочонков (упаковок) осталось невоскрисшими (невостребованными), у восьмого же бочонка вышибли дно и разделили его содержимое между собой сопровождающие кассу работники (служащие). Офицер и шесть

гренадеров составили команду для этой работы, и только один из них после перенесенных испытаний вернулся домой живым после кампании 1813–1814.

Семашко вошел в отношения с этим гренадером, который проживал в деревне Лорейн и пользовался пенсией, которую выплачивало правительство в награду за взятое обязательство соблюдение тайны доверенной (ему) на очень доверительных условиях. Семашко имел очень большое влияние на этого человека, и он убедил его в бесполезности всех хлопот по сохранению данной тайны, поскольку правительство России в Указе Императора постановило, что государство является правопреемником всей собственности, оставленной французской армией, и вся она переходит в собственность Короны (т. е. российского государства), и впоследствии предложил с легкостью изъять клад для их общей пользы.

В то время уже стало возможным для них сделать такую попытку. Семашко освободил гренадера от надзора полицейских органов и послал вместе с Ливски в Черевути ждать, когда пройдет зима. План (по извлечению клада) следовало реализовать весной.

Гренадер в сопровождении Ливски и двумя-тремя другими лицами направились в Дорогобуж с несколькими загруженными телегами. Их путешествие по второстепенным дорогам, в обход деревень и с бивуаками по ночам, происходило в хорошее время года (видимо летом) и не привлекло ничьего внимания. В Дорогобуж они направились для загрузки и последующего возвращения на большую дорогу Москва – Борисов.

Гренадер прибыл в местечко, которое должен узнать визуальное и сделать оставку, поскольку по соглашению с Семашко, тот должен был присоединиться к нему ночью для извлечения клада.

Семашко же должен был покинуть Париж со слугой (с челядью) чтобы сбить толку возможных шпионов и проследовать в Лиду, а затем и в Ригу, и иметь с собой щупы и различные рабочие инструменты которые пригодятся им обоим. Обе партии кладоискателей начали движение в условленное время, и одна из них прибыла в Витебскую губернию.

Сам Семашко очень опасался последствий одного указания сделанного незадолго до этого бароном Ашем, губернатором Смоленска, который мог его задержать. Он спешно достиг границы Пруссии. Там он предъявил паспорт, в котором должны быть проставлены визы для продолжения проезда и осуществления задуманного предприятия.

Другая партия (кладоискателей, которая уже действовала в России) прибыла без всяких препон в местечко, отмеченное гренадером во время рекогносцировки. Но поскольку Семашко не прибыл по истечению 36 или 48 часов ожидания, гренадер изъяв ил желание продолжать вояж и вернуться в Черевути.

Таким образом, когда закончилась эта экспедиция, гренадер (видимо, было написано слово «торопливо») покинул Россию, но прибыл в Германию (неразборчиво) Семашко, который уже находился в Париже, для того чтобы укорить за сопровождение и сказать ему что он сделал для них обоих, имея совершенно узнанное местечко и был в состоянии все исполнить, имея снабжение и достав все оставленное в 1812, но при отсутствии его там, он, имея оказанное ему доверие, и выполнил все условия, он, имея доверия в их общих интересах, не был обязан посвящать в тайну человека, (неразборчиво) и так он сказал слишком много для раскрытия секрета и определения местоположение клада.

Семашко (после неудачной попытки отыскать клад) оказался в сложном положении и находился под двойным надзором, как со стороны посольства России, так и правительства Франции, которые знали об отношениях с гренадером. Однако могу утверждать с уверенностью, что Семашко был уверен, что клад существует, и точность его

сведений добытых ранее не подлежит сомнению. Докучливость (Семашко) с которой он навязывал мне свое ходатайство (о продолжении поисков), которое он сделал мне наедине достаточно доказательно. Для окончательного исполнения данного мероприятия предлагаю следующее:

1. Карту № 1 более не показывать посторонним лицам.

2. Необходимо срочно отыскать Ливски, с целью узнать от него то местечко, в котором он был в сопровождении гренадера. Этих данных будет недостаточно для двух офицеров осведомленных для их понимания и точности выполнения задания при сопровождении Ливски в то местечко, где он был во время его путешествия с гренадером, и для скрупулезного сбора информации о положении всех примет (из плана № 1), где были выявлены, и в особенности точку, где они ожидали (Семашко) в один из дней от 36 до 48 часов, и где приблизительно гренадер рыскал из стороны в сторону. И вот всё это должно срочно узнать от Ливски. Так же важно, чтобы никто не знал в точности цели нашего предприятия, выявить, что Семашко не получил от гренадера, но история с Ливски является важной для облегчения поиска местечка специально отмеченного на карте № 1. Карта № 2 будет выдана офицерам, действующим совместно с Ливски, с целью привлечения их внимания ко всем приметам, кроме того, им необходимо подтвердить все, что отмечено на карте.

3. В том случае, если Ливски не удастся отыскать либо он уже не существует, это вызовет большие сложности, но я полагаю, что с поддержкой правительства по этой диспозиции ничего не помешает успешно завершить поиски. В этом случае только работа офицеров продолжится несколько дольше, но я полагаю, что расположение местных примет в таком порядке слишком определено, чтобы если оно существует в природе, можно снова местечко обнаружить. Все зависит от усердия офицеров и пунктуальности исполнения ими поручения.

4. Этих трудностей не произойдет, если перед началом поисковой инспекцией кого-нибудь послать (по почтовой трассе), чтобы сделать необходимые поиски и, будет лучше, если этому надёжному порученцу доверить карту № 1».

* * *

Только теперь, когда стало примерно ясно общее количество спрятанного неким гренадером золота, сразу же возникло непреодолимое желание уточнить, сколько же это будет в привычных для всех россиян американских долларах. Но никто из нас даже приблизительно не мог сказать, сколько весил упомянутый в письме наполеондор. Пришлось идти на поклон к соседу, который имел компьютер с выходом в Интернет и поискать сведения о французских золотых монетах в Сети. И то, что мне удалось узнать, тут же вдохновило нас необычайно.

— Один наполеондор, — заявил я при следующей встрече прямо с порога, — весил 9,45 грамма! Так что нам будет довольно легко высчитать, за какой добычей охотился наш полковник.

— Прекрасненько, — неподдельно обрадовался Воркунов, оборачиваясь в сторону высушенной из дверей кухни Натальи, — где у нас калькулятор?

Схватив немедленно вручённую ему вычислительную машинку, он плюхнулся на диван и вопросительно взглянул на меня.

— Семь бочонков, по пятьдесят тысяч франков, — начал диктовать я.

— Всего получается триста пятьдесят тысяч, — отозвался Михаил.

— Одна золотая монета имела достоинство в двадцать франков, — продолжил я его. Значит, делим всё на двадцать.

– Итог таков, – резюмировал мой друг. В оставшихся нетронутыми семи бочонках содержалось семнадцать тысяч пятьсот монет. Чистого же золота у нас получается не много ни мало, а сто шестьдесят пять килограммов! Очень неплохой куш, – небрежно отбросил он калькулятор в сторону, – не зря господин Бенкендорф столь активно поддерживал этот проект!

– И, тем не менее, они тогда ничего не нашли! – поддакнул я.

– Да, точно, – азартно подхватил он, – так что у нас есть определённый шанс. Вот только и тебе, дружок придется сильно мозгами пошевелить. Ты у нас путешественник опытный, можно сказать, тебе и карты в руки.

Про карты и путешествия это он намеренно сказал, с определённым намёком. Ведь если сам Михаил предпочитал по жизни малоподвижный образ жизни, то моя судьба сложилась иначе. Неутолимая жажда к разъездам и путешествиям обуревала меня с малых лет. А может быть..., преследовала? Не знаю, как точно сформулировать это понятие, но моя жизнь продвигалась таким образом, что постоянные разъезды по городам и весям были неотъемлемой частью моего существования с раннего возраста. Позже в студенческие годы я увлёкся байдарочным спортом и не упускал возможности посетить с компанией таких же бродяг очередную речку с камнями и корягами. Короче говоря, волей неволей я усвоил науку ориентирования в незнакомых местностях буквально на подсознательном уровне. И теперь весь предыдущий опыт мне следовало бросить на разгадку столь привлекательного кладоискательского проекта.

Поскольку у меня не было сомнений в том, что Яковлевым была где-то допущена чисто географическая ошибка, то первым делом я взялся за имеющиеся в «Деле» карты. Поскольку в бумагах из портфеля присутствовал и исходный план, (тот, что поступил из Франции, через графа Панина) и оба подозрительных региона, добросовестно зарисованные нашими высокопоставленными кладоискателями, то я мог легко сравнить их между собой. Следовало на основании собственных суждений выяснить, в чём состояло их сходство и различие. И, разумеется, на первом месте (по вероятности местоположения клада) у меня стояла местность из Могилёвской губернии, которая на самом деле была куда как ближе к Орше, а вовсе не к Могилёву.

Да, если чисто визуально сравнивать план-карту из Франции и тот план местности, что составил полковник Яковлев в деревеньке Александрия, то в глаза сразу бросалось их несомненная близость. Довольно ровный участок Днепра. Действие происходит на его правом берегу, и маленькая речушка Копысищенка втекает в Днепр, строго перпендикулярно основному руслу. Далее, ближе к небольшой рошце, речка распадается на два рукава (которые в зимних условиях действительно могли быть приняты за петли единого русла). И сама деревня Копысица расположена примерно в том же месте, что и безымянная деревенька на исходном плане. Справа от дороги обозначена корчма, как раз перед первым (со стороны Орши) мостом. И на французском плане мы видим чётко нарисованное здание, характерной «П» – образной формы. А перед вторым мостом и там и там ясно видно нечто такое, что легко было отождествить с одиноко стоящим курганом или разрытой ямой. А в центре роши, там, где изначально вроде бы прослеживалась поляна, на карте полковника Яковлева изображено небольшое озеро или искусственный пруд. На исходном же плане его не было, и в приложении он тоже не упоминался. Но зимой (если это действительно было зимой), под пеленой снега данное озерко легко могло быть принято за лесную поляну. Тут противоречий практически не было.

Некоторые различия, правда, наблюдались в местоположении самой деревеньки Копысица, которую полковник предлагал отождествить с безымянной деревней на исходном плане. Но если не очень придирается, к тому что в действительности она расположена значительно дальше от роши с корчмой и притом на другом берегу речушки, то общее её положе-

ние не вызывало у меня сильного внутреннего протеста. По собственному опыту знаю, как трудно определять точное расстояние до какого-нибудь объекта на равнинных просторах, и особенно в зимнее время. Расстояние от большой реки до почтовой дороги тоже вполне укладывалось в погрешность сделанной «на глазок» географической съёмки, во время несколько позже проведённой яковлевской экспедиции.

То есть на первый взгляд описанная полковником местность была почти идеально схожа с местностью на исходным варианте французского плана. Оставалось лишь соотнести его с современной географической картой и сделать пусть и предварительные, но вполне определённые выводы. Мигом встал новый вопрос: – Где искать современные карты? Отправившись в ближайший книжный магазин, я к сожалению не нашёл там карты Белоруссии, но к счастью выяснил адрес специализированного картографического магазина. Снедаемый нетерпением я незамедлительно бросился к ближайшей станции метро и через полчаса входил в неприметную дверь на пересечении Ленинского проспекта и Тульской улицы.

Окинув взглядом широкий прилавок, заваленный картографическими буклетами, атласами и рулонами невиданного в советское время качества и масштаба изображения, я попросил продавщицу подобрать всё, что есть по Белоруссии.

– У нас продукция только по России, – огорошила она меня ответом. Мы всё же продукцией военной фабрики торгуем, поэтому здесь все карты касаются только нашей территории.

– И где же расположена эта фабрика? – рассеянно поинтересовался я, мысленно готовясь выйти вон.

– Прямо за стеной! – привычным жестом, взмахнула рукой продавщица, указав большим пальцем на стеллаж за спиной. Но если хотите обратиться в отдел сбыта, то вам придётся обойти весь квартал вокруг.

– Спасибо за информацию, – обескуражено поблагодарил я, – при случае обязательно схожу!

Я уже поворачивал к выходу, когда мне на глаза попался небольшой буклетик, на котором хорошо виднелась надпись: «Смоленская область». Мигом вспомнились партизанские мемуары, в которых описывался рейд какого-то отряда из-под Смоленска к Орше. Руки сами потянулись к карте-раскладушке и через секунду мои глаза придирчиво рассматривали местность, изображённую к западу от Смоленска. На моё счастье составители карты прихватили и изрядный кусок Белоруссии, включая города Витебск и Оршу. И, следовательно, для первых поисковых шагов вполне годилась даже такая довольно-таки крупномасштабная карта.

Естественно, что по возвращению домой я принялся изучать её с особенным пристрастием. Очень скоро выяснилась одна довольно неприятная подробность, вызвавшая у меня некоторое... как бы это точнее сказать... недоумение. Раньше этого несоответствия я не заметил лишь потому, что на эскизе окрестностей Александрии, выполненных Яковлевым, не было указано направление на север. А тут вдруг выяснилось, что в данном месте Днепр течёт практически с севера на юг, а вовсе не с востока на запад, как следовало из французской карты. В остальном же (т. е. чисто визуально и за исключением некоторых мелочей) обе местности совпадали практически идеально. Поскольку никакого практического опыта в розыске кладов у меня не было совершенно, я по простоте душевной решил, что мелочи они мелочи и есть, и особо париться по поводу их наличия просто не стоит.

– Ну не совсем же лопухом был этот Яковлев, – размышлял я, складывая карту по старым изгибам, – он-то наверняка должен был всё учесть и предусмотреть. Всё же ответственный и образованный человек, полковник генерального штаба, как-никак! Лицо облечённое высочайшим доверием самого государя императора, наконец! Полгода колесил по России, разыскивая подходящее место, наиболее соответствующее исходным намёткам. За это время

он точно смог проехать по всем основным дорогам, благо в те времена их было не так уж и много.

Итак, потратив на теоретическую работу менее суток, я самонадеянно решил, что все загадки решены и первой поисковой экспедиции просто не повезло, ибо они копались просто не в том месте. И мне теперь следовало лишь подобрать подходящий поисковый прибор, чтобы с его помощью отыскать спрятанное в 12-м году золото там, где спасовали примитивные щупы и сапёры с порохом. Святая простота! В тот момент я даже не подозревал, что ломать голову над загадкой клада гренадера мне придётся почти целый год. Впрочем, расскажу обо всём по порядку.

Какое-то время всё было прекрасно. Наталья продолжала неспешно переводить оставшиеся страницы «Дела», но меня теперь не интересовала даже та его часть, которая была написана на русском. К чему перегружать мозги излишней информацией? Всё и так было предельно ясно. Вся фабула дела уже прекрасно разложилась у меня в голове по полочкам и выглядела следующим образом. Во время отступления из Москвы несколько человек, сопровождавшие фургон с восьмью бочонками золотых монет, по непонятной пока причине решили предать их земле. Один бочонок они по-братски разделили между собой, при этом каждому участнику событий досталось не менее трёх килограммов двадцатифранковых наполеондоров.

После завершения войны некий авантюрист Семашко подбил одного из участников тех событий вернуться в Россию и отыскать оставшиеся деньги. Первая поисковая экспедиция у него не заладилась, поскольку уже засветившемуся перед органами внутренних дел России Семашко не дали въездную визу. Но гренадер всё же побывал на месте захоронения клада и убедился в том, что он не тронут. Вторую попытку добраться до золота неутомный Семашко предпринял в 1839-м году. Действовал он теперь через князя Сапегу, который, как и он сам, тоже имел финансовые затруднения и легко согласился участвовать в сомнительной аванюре. Князь вышел с предложением на посланника России графа Панина, который в свою очередь подбил на это дело Александра Христофоровича Бенкендорфа. Ну, естественно. Начальник жандармского корпуса имел огромные полномочия и необъятные возможности. Клад же был весьма значителен по любым меркам, и по всем прикидкам вполне мог быть найден относительно небольшими силами.

К ноябрьским праздникам перевод всех текстов был завершён, и я получил дополнительную возможность изучить всю систему доказательств нашей с Яковлевым гипотезы. Ведь к рукописному плану, тому самому исходному французскому «брульону», прилагалось и его словесное описание, в котором давались краткие разъяснения по поводу условных обозначений, щедро разбросанных автором по некоей местности.

Первая строчка под литерой «А», поначалу не дала мне сколько-нибудь значимой пищи для размышления. Скорее наоборот, надолго сбила с толку. **«Днепр имеет немного менее пяти футов воды глубиной летом»** – гласила первое предложение.

– Причём тут глубина реки? – лишь недоумённо покрутил я тогда головой. Они что там, купались что ли? Это зимой то? В жуткую стужу, когда на улице было до двадцати ниже нуля! К тому же совершенно непонятно почему здесь пишется именно про лето? Нелепица какая-то и явная глупость!

Зато вторая фраза, обозначенная литерами «В. С.» искренне меня порадовала. **«Большая дорога от Москвы до Борисова, какой она была в 1812 году»**. Моему ликованию от данной фразы, просто не было предела. Написать о какой-то дороге «Москва – Борисов» можно было только в одном единственном случае. Только тот человек, который стремится попасть из Москвы именно в Борисов, а не куда-либо ещё, мог написать такие слова про крохотный белорусский городок, коим и являлся Борисов в 1812 году.

Данное открытие буквально вдохнуло в меня новые силы и сразу подумалось о том, что полковник Яковлев с князем Кочубеем совершенно зря таскались в безвестные Цурики и копались там на некоей песчаной отмели. Французы, и об этом факте мне было известно доподлинно ещё со школы, находясь в районе Орши, стремились попасть только в Борисов, и никуда больше. Около него располагались стратегически важные мосты через Березину, и там они надеялись на помощь местного гарнизона для устройства краткосрочного отдыха и улучшения снабжения своих измотанных голодом войск. Наполеон были столь уверен в том, что данный город даст французской армии хоть небольшую передышку, что даже приказал сжечь все хранившиеся в Орше понтоны, предназначенные для переправы через водные преграды.

Отсюда я сразу же сделал однозначный вывод о том, что кладоискательская история, присланная в 1839 году из Парижа, могла происходить только на отрезке пути от Орши до Борисова и нигде больше! И естественно, что поисковый полигон расположенный вблизи белорусской деревеньки Александрия неизбежно и однозначно выдвигался на первый план. Оставалось только понять, почему Яковлев там так ничего и не нашёл и найдя такое объяснение, повторить попытку. Впрочем, продолжу рассказ о сопроводительном письме.

Литеры «В. D.» вновь открывали описание некоей дороги. Эта просёлочная дорога отходила от основной трассы в северо-западном (на самом деле просто западном) направлении, и по ней некие лихие (а может быть и обременённые тяжким грузом) всадники могли двигаться в направлении некоего крупного населённого пункта. И что мне показалось весьма важным, эта дорога могла быть удобной только для тех, кто ехал со стороны Могилёва, а не со стороны Орши. Свернув на дорогу «В-D», эти «облегчившиеся» от груза всадники могли напрямую (не делая крюка через покинутую французами Оршу) выйти на местечко Коханово. А оно, как удалось выяснить несколько позже, на некоторое время стало пристанищем Бонапарта.

Следующие литеры «Е. Е.» на плане были привязаны к ручейку, витиевато пересекавшему и рошу и дорогу. Описывающий данный ручёк абзац был намного больше прочих, что наводило меня на мысль о том, что именно в нём рассказывается о том, где и как захоронили некие ценности. Предчувствие меня не обмануло. Вот что было дословно написано на одиннадцати строках сопроводительного текста.

«Е.Е. – маленькая речушка, пересекающая дорогу В.С. в трех местах образуя два неодинаковых изгиба, наименьший – имеет размеры от тридцати до сорока туазов. На меньшем изгибе стоит отметка X, которая указывает на место захоронения (склад). Несколько деревянных частей от мельницы (брусьев или досок) использовались при разгрузке фургонов. Канава, которая предназначалась для бочонков, рылась недалеко, на расстоянии в несколько туазов, и параллельно большой дороге, так как она шла в 1812 г. Глубина залегания была около 3–4 футов, но она могла измениться со временем из-за тяжести объектов, и надо зондировать на большую глубину».

(Как вскоре удалось выяснить, слово «Туаз» происходило от старо-французского *toise* < *toiser*, что буквально переводилось как «измерять на глаз». Эта единица меры длины во Франции, была равна 1,949 м.).

Скорее всего, составителем описания имелась в виду некая канава, либо вырытая кем-то ранее, либо просто промытая водой и отстоящая от почтового тракта не далее чем на 10–15 метров. По здравому рассуждению нетрудно было догадаться, что речь идёт о том, что вышеупомянутые бочонки, а возможно и ещё какие-то ящики их охранники закопали на глубину чуть больше метра, используя для этого удачно найденную канавку, то ли в качестве местного ориентира, то ли как некое естественное углубление в земле. Причём создавалось впечатление, что всё это действие происходило именно в центре роши, вблизи лесной мель-

ницы, а вовсе не у мельницы, стоящей на том же ручье, но на берегу Днепра, до которого, судя по плану, было не менее 3-х километров.

Затем человеку, читающему сопроводительное описание, давалось что-то вроде доброго, напутственного совета. Мол, не надо рассматривать данную карту как точный план с идеальными пропорциями, а просто следовало мысленно связывать все определяемые объекты воедино, как в точной позиции относительно их нахождения на местности. Приняв этот добросердечный совет к сведению, я продолжил читать перевод.

Литера «F» обозначала озеро или пруд, скорее всего образованный мельничной плотинкой. Но это была уже другая, т. е. вторая мельница, расположенная далеко от роши и вблизи самого Днепра. При этом уточнялось, что от лесной мельницы до Днепра было примерно 2,5–3 версты, а до придорожного кабачка (от места захоронения бочонков) было не более версты.

О небольшой роше (литера «G») было сказано следующее: **«Густой кустарник, растущий на песчаной почве холма».**

Деревушка, отмеченная прописной литерой «a» была упомянута, как лежащая на дороге, отходящей под углом от тракта **«B. C.»**. Обе мельницы помечались малыми буквами «b» и «c». Причём для описания одной из них было применено словосочетание: **«moulins avent»**, которое можно было перевести только как «ветряная мельница»!

– Следовательно, – обрадовано решил я, – вторая была наверняка водяной!

Под литерой «d» подразумевалась приходская церквушка, так же как и вторая мельница, вынесенная ближе к большой реке. А буква «f» была присвоена кабачку, расположенному на большой дороге. Собственно на этом описание местности и присутствующих на ней объектов заканчивалось, давая поисковикам любого ранга широкий простор для воображения.

Что ж, сопроводительное описание было составлено вполне логично, правдоподобно и достаточно подробно. Ведь представить себе, что тяжело гружёные фургоны тащатся от мощёной дороги по полному бездорожью к реке Днепр, было просто невозможно. При всём желании преодолеть почти четыре километра снега и грязи даже на свежих лошадях было немыслимо. Другое дело – закопать бочонки в роше прямо у почтового тракта. Никуда и ехать не надо, откатил бочки от дорожного полотна метров на пять – десять и зарывай их себе на здоровье. Ориентиров для закладки клада до востребования в данной точке было полно. Тут тебе и недалёкая мельница с плотиной (а не та ли это самая плотина, о которой впоследствии писал Кочубей?), и само извилистое русло речки и корчма за вторым мостом, и само относительно небольшое расстояние между самими мостами, а так же некая очень кстати подвернувшаяся канава... То есть налицо имелся полный джентльменский набор памятных примет, а так же естественных и рукотворных ориентиров, по которым каждый из тех, кто закапывал бочонки (и что там ещё могло быть зарыто), мог их впоследствии легко отыскать. И изъять... Да, да, господа, к сожалению не без этого. В любом поисковом мероприятии нужно учитывать и такой поворот событий. Ведь с момента захоронения данных ценностей к 1840-у минуло уж 28 лет! За такой продолжительный срок чего только не могло случиться.

Иначе совершенно непонятно, отчего столь опытные и бывалые во всяких переделках офицеры, имеющие в своём подчинении и землекопов и взрывные устройства, не смогли обнаружить столь хорошо описанную, неглубоко зарытую и к тому же отлично привязанную к местности захоронку? Но если всё же допустить, что постигшая наших поисковиков неудача была обусловлена не происками конкурентов, а некоей технической трудностью. Ведь тот же Яковлев пишет, что проколы земли стальными щупами они делали через аршин друг от друга.

– Аршин, – тут же подумалось мне, – ведь это по сути дела обычный шаг! Шагнул – кольнул, шагнул – кольнул. Длина шага человека среднего роста это минимум 70 сантимет-

ров. А диаметр бочонков был не более 25 сантиметров, а то и меньше! И не надо удивляться столь скромным размерам! Такой, полностью наполненный монетами бочонок один человек поднимал с большим трудом. Малая площадь донышка – вот вам и прекрасная возможность легко промахнуться по столь малоразмерной и к тому же совершенно невидимой мишени!

Вторая трудность для первых российских поисковиков могла заключаться в том, что, скорее всего, к тому времени была смыта и та плотина, возле которой (или, во всяком случае, в пределах видимости) был закопан данный клад. Иными словами к приезду наших сановных поисковиков исчез один из важнейших местных ориентиров. Значит, шансов попасть штырём точно в стоящий торчком бочонок в общей сумме вероятностей я оцениваю не более чем в 1 из 5. Так что мне представляется, что Яковлев с Кочубеем зря понадеялись на точность такого способа обнаружения относительно малоразмерных предметов.

Итак, в преддверии выезда на место действия этой исторической драмы у меня была только одна гипотеза, довольно внятно объясняющая причину, по которой полковник Яковлев не отыскал французское золото. В двух словах она заключалась в том, что хотя место поисков он выбрал правильно, но несовершенство поисковой техники (щупы и лопаты) не позволило ему нащупать малоразмерные бочонки. Вот и всё и никаких иных загадок. Эх, если бы приехать сейчас на берега Днепра, да с современной техникой, то разгадать загадку можно будет буквально за полчаса...

В моей голове мигом возник план всей нашей дальнейшей деятельности. Первым делом мне следовало лично съездить на место предстоящих поисковых работ. Посетить впадающую в Днепр речку Копыщенку, осмотреть пространство между её рукавами, прогуляться по возможным остаткам той дороги, по которой некогда двигался фургон с «малой кассой» и вообще присмотреться к обстановке. С этими мыслями я в следующую же субботу пожаловал к Михаилу. Натальи дома не было, она уехала к сестре в Пушкино, и мы довольно вольготно расположились на его широком зелёном диване, стоявшем в маленькой комнате. Изложив свои доводы, я в качестве иллюстрации показал ему свежеприобретённую карту, присовокупив к ней и французский план.

Михаил некоторое время рассматривал бумаги, поочерёдно поворачивая к люющемуся из окна световому потоку. Затем протяжно вздохнул и небрежно перебросил мои «доказательства» на стоящий напротив письменный стол.

– Торопливость нужна при ловле блох, – буркнул он. Я теперь не удивляюсь, почему у тебя по физкультуре всегда была пятёрка, а по математике едва тройка.

– Ну-у, – воинственно выпрямился я, – и почему же?

– Да ты всегда сначала действовал, а уж потом думал! – движением подбородка указал Михаил на стол. Схватил первую же попавшуюся гипотезу и решил, что это и есть абсолютная истина. Боюсь, ты здесь крупно промахнулся с самого начала. Даже на столь несовершенной карте, которую ты с такой помпой здесь демонстрировал, чётко видно, что твоя Копыщенка ну никак не похожа на ту речку, что обозначена на французском плане.

– Это почему же? – заступился я за гипотезу полковника. Смотри и длина речки более или менее совпадает с французской... и втекает она в Днепр практически под прямым углом...

– Ага, – саркастически поджал губы Воркунов, – вот только та река, что в втекает в Днепр на рукописном плане, течёт с севера на юг, а вовсе не с запада на восток, как на нынешней карте!

– Да может тот, кто её рисовал, просто ошибся в направлении частей света, – запротестовал я. Может, он ту схему рисовал в темноте, на ночном биваке! К тому же корчма вблизи Александрии точно была, в документах дела об этом прямо говорится.

– А о другом там почему-то вовсе не упоминается, – не менее жарко возразил он. Например, совершенно неясно, обнаружил ли Яковлев озеро и мельницу, что лежали ближе

к Днепру, а так же ту церковь, которая располагалась неподалёку от них! Вряд ли они могли за столь небольшое время исчезнуть бесследно! И потом, — отмахнулся он, — видя моё желание тут же возразить ему, — есть ещё одна причина, по которой мы должны более вдумчиво относиться к задаче.

— Какая же? — уже менее агрессивно пискнул я в ответ.

— Подумай сам, — устремил указательный палец в потолок Михаил, — над этой ситуацией вообще, как бы со стратегической точки зрения. Вот везли французы своё золото, везли, и вдруг ни с того ни с сего решили его закопать? С чего бы им такая мысль в головы пришла? Что же такое им помешало везти его дальше?

— Стало быть, была какая-то причина..., — неуверенно пробормотал я.

— Это какая же? — вопросительно вздёрнул он брови. Ты бы, например, с бухты-барахты такое количество денег свалил бы в ближайшую канавку?

В ответ я лишь неуверенно пожал плечами, — поскольку к своему стыду о событиях Первой Отечественной войны имел лишь самые скудные и отрывочные знания.

— Вот и я про то! — назидательно покачал головой Михаил. Ни черта мы про те времена не знаем и судим о совпадении или не совпадении каких-то местностей только по каким-то отдельным приметам. К тому же сами мы данные приметы не видели и соответственно в достоверности этих сведений не можем быть уверены ни на йоту!

Слушать критику в свой адрес было не слишком приятно, но мой друг был в чём-то прав. Подходить к столь непростым и наверняка дорогостоящим поискам следовало куда как ответственнее. Всё же полковник генерального штаба с товарищами искал клад по приказу вышестоящего руководства и волей-неволей делал это формально. Ведь участникам похода было заранее известно, что всё найденное придётся возвратить государству. Мы же занимались поисками по собственной инициативе, лелея в глубине души потаённую надежду, кое-что получить и для себя. Поэтому, вынужденно признав глубину своего невежества в истории Отечественной войны 1812 года, я решил для начала хотя бы вчерне наметить на карте тот путь, по которому отходили войска «Великой армии».

Казалось бы, несложная задача, однако с ней я провозился почти две недели. И был просто счастлив, когда узнал о том, что на толкучке в Измайловском парке можно отыскать старинные карты. Во время второй поездки на эту своеобразную ярмарку старинных раритетов мне повезло приобрести «Генеральную карту театра войны 1812-го года. Конечно, это была не сама карта, а только её копия, но зато на ней небольшими крестиками были нанесены все те места, где ночевал Наполеон. А там где был император, была, разумеется, и его армия, во всяком случае, большая её часть. Указан был и масштаб карты: 1 см. = 17 вёрст.

Уплатив столько, сколько требовал продавец (торговаться мне даже не пришлось в голову), я торопливо развернул покупку прямо на перроне метро. Первая ночёвка была почему-то отмечена только в районе Можайска, вторая в Гжатске (современный Гагарин), третья в Слободе. Далее крестики, в своём неудержимом стремлении на запад, пробегали через Вязьму, Дорогобуж, Смоленск, Корытню, Красный и быстро подбирались к интересующему меня району. Подошёл переполненный поезд, и я прервал столь увлекательное занятие, надеясь продолжить его дома.

Проведённый вечером анализ раритетной карты вовсе не укрепил мою уверенность относительно того, что наш полковник и в самом деле обнаружил истинное место захоронения малой кассы. Из неё со всей очевидностью следовало, что от дороги, по которой продвигались основные силы великой армии до предполагаемого места заложенияклада, расстояние было порядка двадцати километров. И это обстоятельство показалось мне довольно странным. Отступление, да ещё в тех условиях, когда тебя непрерывно преследуют подвижные разъезды противника, невольно заставляет отходящих солдат держаться кучно, прикрывая друг друга. Это понятно без дополнительных комментариев. А тут получалось, что какая-

то небольшая группа военнотружущих откололась от основной колонны и помчалась куда-то в сторону, чтобы, рискуя не только ценным грузом, но и собственными головами, закопать несколько бочонков с монетами у безвестной речушки Копысица. Почему они не могли это сделать, отъехав от дороги не на двадцать километров, а на двадцать метров? Не хотели делиться добычей с посторонними, что ли?

Поселившаяся в душе неуверенность заставила меня вновь и вновь вглядываться в старинную карту. И вскоре глаза наткнулись на точку, рядом с которой хорошим каллиграфическим почерком было написано слово – Могилёв. Судя по сноске в правом нижнем углу карты, Могилёв считался губернским городом и весьма вероятно в нём стоял французский гарнизон. Чисто теоретически можно было предположить, что если бы французы отходили к Орше, то они могли бы появиться вблизи Александрии, то есть на берегах всё той же речки Копыщенки. Но стояли ли оккупанты там в действительности? А если стояли, то по какой именно дороге отступали? Ведь мало того, что Могилёв являлся даже тогда крупным перекрёстком торговых путей, так ещё и ведущая к Орше дорога раздваивалась в районе Шклова!

И опять же в моей голове возникал тот же самый вопрос. Если из Могилёва отходил какой-то гарнизон, то он наверняка не был измотан в предыдущих боях и не страдал от голода как остальная армия. Тогда почему же они закопали золото, не доехав до основных сил те же самые двадцать километров? Неужели надеялись на то, что никто не спросит с них за непонятно почему брошенное на дороге золото? Впрочем, вероятно какие-то события там происходили и при соответствующей интерпретации могли быть использованы начальником конвоя для оправдания своих действий. Но какие тогда происходили события на дороге Могилёв – Орша я, разумеется, не знал абсолютно, но вполне отчётливо понимал, что узнать о них совершенно необходимо. Собственно говоря, именно от этого зависели все наши дальнейшие действия. Если бы удалось отыскать упоминание о неких роковых событиях, произошедших вблизи Днепра осенью 1812 года, которые могли заставить охрану кассы срочно спрятать свой груз, тогда да, следовало начинать планировать практические действия по отысканию золота.

Теперь новая головная боль одолевала меня теперь каждую незанятую минуту. Поначалу я собрался отправиться прямо в музей «Бородинская панорама» и без обиняков расспросить её сотрудников по поводу происшествий, которые происходили с французами южнее Орши. Впрочем, от этих намерений я довольно скоро отказался. Интересующий меня эпизод, мог быть столь незначителен с точки зрения историка, что ни малейшего внимания науки даже не заслуживал. А главное – повышенный интерес частного лица к конкретной точке, вблизи которой некогда проходили отступающие оккупанты запросто могли вызвать определённые подозрения к моей личности. И в самом деле. Для чего это понадобилось совершенно неизвестному человеку выяснить некие сведения о происходивших неведь в какие века событиях? Очень, очень подозрительно! Согласитесь!

Следовало отыскать какой-то иной путь, без привлечения к нашему расследованию кого-либо из посторонних и непосвящённых. Задача была непроста, и пришлось изрядно поломать голову над её осуществлением. Помог случай. Как-то проходя возле подземного перехода на Мясницкой, я заметил замотанную в серую шаль согбенную старушку, разложившую на его гранитном парапете свой нехитрый товар – десятка полтора старых книжек. Мазнув взглядом по их истрёпанным корешкам, я равнодушно прошёл мимо, и только тут осознал, что прочтённый кусочек заглавия одного из томов звучало как «Французы...». Ноги мои словно сковали чугунные кандалы. Неуклюже затормозив, я повернулся на месте и устремился к промёрзшей продавщице.

– Взгляните молодой человек, – уловила она мой интерес, – вот сказки Гофмана для ваших деток, с рисунками. А вот, если хотите, первое издание Каверина...

– А вот это что? – присел я так, чтобы лучше разглядеть корешки особенно старомодных обложек. Французы в России! Про что эта книга?

– Это сборник мемуаров тех французов, которые были в России в 1812-м году, – потупила взор продавщица. Правда, у меня только третий том.

– Могу взглянуть на содержимое? – полувопросительно-полуутвердительно поинтересовался я, ухватывая пальцами грязноватый корешок книги.

Старушка что-то отвечала, но я её уже не слушал. Откинул обложку, и жадно впился глазами в заглавную страницу.

– Французы въ России, – прочитал я про себя, – по воспоминаниямъ современниковъ-иностранцевъ. Часть III (Отступление). Смоленск. Красный. Березина. Вильно. Черезъ Неман обратно. Издательство Задруга, Москва, 1912. Вот оно! Вот это везение! – мигом пронеслось у меня в голове. Непосредственные воспоминания тех, кто участвовал в том провальном походе! Уж тут точно удастся кое-что выудить, пусть и между строк.

Волнительный пот прошиб меня от шеи до поясицы. Захлопнув обложку, я спешно сунул книгу подмышку и невольно оглянулся вокруг, будто подозревая за спиной конкурентов, готовых дать за раритет большую цену.

– Полторы тысячи стоит, – мигом оживилась старушка, с видимым удовольствием протягивая ладонь привычно сложенную ковшиком.

– Что так дорого? – недовольно буркнул я, запуская пальцы в портмоне.

– Так ведь это, – певуче отозвалась она, – книга-то старинная, редкая, знатоки и более дали бы...

– За три части может и дали бы! – глухо процедил я сквозь зубы.

Впрочем, моё брюзжание было чисто напускным. Запроси она вдвое дороже, я бы не сомневался и секунды. Меня где-то ждали груды золота, и может быть, именно на страницах этой невзрачной книжки содержался ответ на то, где именно!

– У меня ещё одна книга есть по истории отечественной войны! – крикнула мне вслед самодеятельная продавщица, едва я рванулся в сторону метро.

– Как, – метнулся я обратно, – какая?

Миг и передо мной возник ещё один увесистый том, одетый в некое подобие тканевой суперобложки.

– Отечественная война 1812 года, – уже вслух прочитал я название. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Том XIX. Боевые действия в 1812 году.

– Недорого отдам, – снизу вверх угодливо взглянула на меня старушка, – поскольку вижу, что вы заинтересованы!

– Ну-у, даже не знаю, – протянул я, открывая на удачу книгу на 196-й странице.

Глаза мои скользнули на середину листа и словно нарочно выхватили приказ за номером 530.

«Государю Императору: Неприятель лишён почти всей своей артиллерии и кавалерии, я пользуюсь сим обстоятельством, чтобы дать отдохнуть части наших войск при армии по сему лишних. Почему и предписал расположить л-гв. Гусарский в Шклове, л-гв. Драгунский в Могилёве, л-гв. Уланский в м. Блиничи и 10 рот артиллерии в Копысе и окрестностях, о чём В. И. В. счастье имею всеподданнейше донести».

– Всеподданнейше донести! – с ударением на последнее слово повторил я, кладя книгу обратно на полированный гранит парапета.

По выражению моего лица старушка мигом смекнула, что девятнадцатый том служебной переписки за полторы тысячи толкнуть не удастся и поэтому сразу пошла на радикальное снижение цены.

– Можете взять со скидкой, – принялась совать она мне увесистый том в руки, – всего за триста уступлю. Я вам и пакетик с собой дам, для удобства переноски. И вы заметьте, какая здесь бумага-то использована! Уж почти сто лет минуло, а она всё как новая!

Торговля продолжалась недолго. Решив, что среди сухих приказов и заливчатских реляций вполне можно будет отыскать что-то касающееся событий происходивших в окрестностях Орши, я с протяжным вздохом запихнул и вторую книгу в явно не раз использовавшийся пакет с надписью «Комус». Вздыхал я естественно не по потраченным деньгам, а поскольку представил себе, сколько времени придётся потратить даже на частично ознакомление с содержимым обоих томов. Ведь даже по приблизительным прикидкам в каждом из них было не менее чем по четыреста страниц покрытых убогим текстом.

Но как гласит русская пословица «Взялся за гуж, не говори, что не дюж»! Последующие несколько вечеров мне пришлось посвятить чтению диковинных приказов, составленных из практически позабытых теперь слов и выражений. Но поневоле я увлёкся чтением, всем своим существом полностью переместившись в ту далёкую эпоху. Перед моим внутренним взором проносились запылённые конские разъезды, раскатисто гремели четырёхфунтовые пушки и печатали шаг мрачные пехотные батальоны. Офицеры в диковинных одеяниях отдавали приказы о спешном отступлении или наоборот, решительном наступлении. Грохотали ружейные выстрелы, скакали адъютанты, тянулись угрюмые обозы с ранеными. И вся картина той войны мало-помалу раскрывалась передо мной во всём своём многообразии. Ну, разве не любопытно прочитать доклад генерала Платова со всеми его вывертами и грамматическими ошибками?

«Каково получить я сейчас донесение от гр. Орлова – Денисосу, оное оригиналом к вашему пр-ству при сём доставляю, а сам поспешнейше следую с полками к Кременцу. Покорнейший слуга Матвей Платов».

А разве не интересно было узнать, какие мысли занимали голову генерал-майора князя Урусова 20-го октября 1812 года?

«Предписание вашего пр-ства № 282 получено мною в Тихоновской Пустыни, откуда в согласность оного предписания я имею выступить завтрашнего числа. Провиантом довольствованы войска сии по 25 число сего месяца, который по неимению полковых казённых обозов везётся на обывательских подводах; а как принимая сей запас я предполагал, что оного достаточно будет до самого соединения с армией, то на сей предмет буду ожидать извещения вашего».

Постепенно продвигаясь от страницы к странице, я медленно, но верно перемещался в пространстве и времени к интересующему меня месту. Естественно, что приказы и донесения я читал уже вслух, опасаясь пропустить какую-либо важную подробность. Непрономерованный приказ генералу Милорадовичу от 8-го ноября особенно привлёк моё внимание. Он гласил: **«По повелению е. светлости в. в-п. со вверенным вам авангардом, состоящим из 2 и 7 пехотных корпусов и 2 кавалерийского, прибыв на новые квартиры в списке при сём означенном на 9 число и расположились в оных, имеют всегда быть готовыми к бою, почему и благоволите посылать разъезды по дорогам к Орше и Копысу. Авангард под команду г-м Ермолова сего 8 числа находится в Казянах по Смоленской дороге...».**

Я бросил взгляд на карту, по которой следил за перемещениями наших и французских войск. Если последовал приказ направить разведывательные дозоры в сторону Копыси,

то это означало только одно. Милорадовичу предлагалось безотлагательно выяснить, нет ли опасности со стороны юга для как раз подходящих к Орше российских войск. А на юг от Орши были только города: Копысь, Шклов и Могилёв! Это был определённый вклад в копилку идеи о том, что в каком-то из этих городов вполне мог стоять крупный французский гарнизон. Ну, а там где есть войска, там всегда могла быть войсковая касса!

Но следующая депеша вновь ввергла меня в пучину сомнений: **«Г-Ад. Ожаровскому. Из полученных известий о Могилёве видно, что неприятель имеет большие запасы в сём городе, и сделал некоторые укрепления, но для защиты оных не имеет достовольного числа гарнизона, ибо в оном находится 2.000 больных и до 500 вооружённого войска. Весьма необходимо занять сей город, ибо, овладев оным, найдёт армия хоть на несколько дней всякого продовольствия...»**.

А далее, я отыскал ещё более интересную фразу: **«Партизану Давидову приказано, переправясь через Днепр около Копыса или Шклова отрезать всякое сообщение неприятелю между Оршею и Могилёвом, действуя с тылу на сей дороге, стараясь при том открыть коммуникацию с адм. Чичаговым...»**.

Итак, становилось предельно ясно, что какие-то войска у французов в Могилёве действительно стояли, и общее их количество могло достигать двух с половиной и более тысяч человек. Наверняка там же могли быть и значительные денежные средства. Ведь закупалось же ими на что-то те огромные запасы продовольствия и строительных материалов для возведения укреплений! А поскольку именно в это время в этот район был направлен усиленный отряд Дениса Давыдова, то можно было попытаться отыскать мемуары последнего. Писали уважаемый и всенародно любимый полковник послевоенные мемуары, я, конечно же, не знал, но полагал, что такая творчески одарённая личность непременно должна была создать нечто подобное.

Поиски мои на сей раз, я повёл в библиотеках. Вначале сходил в районную, а затем и в окружную. И вскоре то, как именно могли происходить события на дороге Могилёв – Орша предстали передо мной во всей красе и во всех подробностях. Вот как это было. 20 ноября (по новому стилю) 1812 г. небезызвестный бард и лихой рубака Денис Давыдов остановился со своим отрядом на постой в селе Сметанке, примерно в восьми километрах западнее городка Копысь. Он уже некоторое время преследовал большой воинский обоз французов (называя его в своих донесениях – «депо»), но поскольку охрана обоза была постоянно начеку, нападать на него в чистом поле полковник опасался. Но к этому времени у него уже созрел превосходный план, как можно без проблем одолеть более сильного противника.

Вот как он сам вспоминал об этом эпизоде в своих мемуарах.

«... с намерением не прежде предпринять нападение, как по переправе половины депо чрез реку, и тогда разбить поодиночке: одну часть на сей, а другую – на той стороне Днепра. Река сия не была ещё схвачена льдом, одни края оной были легко замёрзшими».

Добавлю уже от себя, что заодно там не было и моста, по которому бы польская часть майора Бланкара, могла быстро преодолеть довольно серьёзную водную преграду. Майор видимо догадывался о намерениях нашего даровитого полковника и поэтому начал переправу 21 ноября ещё затемно, но всё равно успел переправить только часть своего обоза. Но нападение партизан было неизбежно. Вот как Денис Васильевич описывал это сражение в своих победных реляциях Кутузову.

«Девятого (21 н.с.), поутру мы помчались к Копысу. Почти половина депо была уже на противоположном берегу; другая половина, оставшаяся на сей стороне, намеревалась вначале защищаться против вскакавших в главную улицу гусаров моих и

донского полка Петрова 13-го; но коль скоро Чеченский с Бугским своим полком пробрался вдоль берега и явился в тылу оной, среди города у переправы, – тогда всё стало бросать оружие, отрезывать пристяжки у повозочных лошадей и переправляться где попало вплавь на противоположный берег... Вскоре наездники мои очистили от неприятеля улицы. Я собрал полки, и, невзирая на стрельбу, производимую с противного берега, пустился двумя толпами вплавь через Днепр, оплывая, так сказать, справа и слева линию стрелков, защищавших переправу... Я отрядил сотню казаков для забрания сдавшихся в плен, скрывавшихся в Александрии (сноска по тексту: Село отделённое Днепром от Копыса) и бежавших в разброд через столбовую Белорусскую дорогу. Вся партия пустилась за остатками депо, направление которого показывали нам брошенные фуры, повозки и отставшие пехотинцы от главной массы, состоявшей уже не более как в двести пятьдесят рядовых и офицеров...».

Невольно возникала мысль о том, что среди тех, кто переправился утром и имел некоторое время на то, чтобы отъехать от реки на 2–3 километра, были и те семь гренадеров, которые транспортировали фургон с военной кассой. Во всяком случае, такое могло случиться. Пока шли стычки и перестрелки в самом городе и вблизи брода, они вполне могли укрыться в роще за Александрией и уже там спрятать свой драгоценный груз! То есть закопать его вблизи той самой мельницы, о которой впоследствии упоминал в своём рапорте п-к Яковлев. Казалось организовать подобное захоронение, не доезжая до Днепра, они не могли никак, поскольку подвергались постоянному обстрелу и кавалерийским атакам казаков.

На первый взгляд, ответы на все каверзные вопросы я вроде как получил. Выходило, что полковник Яковлев обратил внимание на место, вблизи местечка Александрия вовсе не просто так. Около него и в самом деле происходили события такого рода, при которых действительно могло быть принято решение о спасении воинской кассы. Обозникам ведь было понятно, что зловерный Денис Давыдов не ограничится разгромом только хвоста их обоза, а постарается догнать и по мере сил потрепать и его головную часть!

Теперь мне оставалось только съездить в Белоруссию и на месте подтвердить свои догадки. Пройти собственными ногами весь путь фургона с золотом от переправы через Днепр, и лично убедиться в том, что тот, кто прятал бочонки, мог нарисовать только такой памятный план и ни какой иной. Сборы не длились долго. В ближайшую пятницу я выехал в Оршу на поезде Москва – Минск. Перед тем как покинуть вагон, я очень удачно поменял у буфетчицы пятьсот российских рублей на кучу мятых белорусских денежек и поспешил к железнодорожной кассе, поскольку электропоезд на Шклов отходил через несколько минут.

Глава пятая: Александрийские страдания

И вот я в самой Александрии. В двух шагах от железнодорожной платформы. Электричка давно ушла, а я всё стою, озираюсь по сторонам. Со стороны очень похож на иностранного шпиона, засланного в страну с самыми враждебными целями. Не шпион, я бабушка, не шпион. Я ещё хуже, я кладоискатель. Стою посередине дороги и думаю: – Куда же идти в первую очередь? Не будешь же спрашивать у встречных прохожих: – Эй, любезнейший, не подскажете, где здесь французский клад лежит? Но вскоре и я сообразил, что, прежде всего, надо идти к Днепру. В конце концов, именно он был основной приметой рукописного плана и именно с переправы через него начался последний путь кассового фургона.

Иду, тороплюсь, почти бегу. Местность ощутимо пошла под уклон, и долго искать направление к воде, слава Богу, не пришлось. Прошагав по кривоватому проулку около двухсот метров, внезапно выскакиваю на широкую полосу прибрежной растительности. Вид отсюда открывался просто потрясающий. Напротив, на левом низком берегу Днепра сквозь тощие кроны высоченных деревьев просматривались крыши древней Копыси, а направо и налево расстилалась сероватая водная гладь. С того места, где я стоял, было прекрасно видно, откуда подвергшийся нападению обоз мог стартовать, поскольку пологих съездов к воде там было предостаточно. Но так же спокойно выбраться на правобережную кручу было совершенно невозможно. Насколько хватало глаз, мой берег был крут и демонстративно неприступен. Просто так подняться на него на конной тяге было совершенно невозможно.

Пришлось прошагать вдоль берега к северу ещё около полукилометра, ощущая себя при этом самым настоящим разведчиком. Наконец мой взор упёрся в земляной откос, далеко выдающийся к центру реки. Ноги сами понесли меня к нему, и вскоре стало совершенно очевидно, что именно здесь и располагалась старинная переправа через брод. Отчётливо прослеживался уходящий наискосок к Копыси земляной пандус, словно нарочно выбитый в каменистом склоне.

– Именно здесь выбирались на сушу телеги несчастного майора Бланкара, – завертел я головой по сторонам, словно наяву наблюдая тянувшийся через Днепр перемешанный паникой обоз и вспышки озарявших его выстрелов, – больше нигде им было пройти! А вон оттуда нестройными толпами неслись им наперерез гусары и казали Дениса Давыдова. Стало быть, именно от этого места мне и следует начать отсчёт. Ведь как следует из описания к карте, от уреза воды до идущего параллельно реке почтового тракта, должно было быть не менее трёх километров.

Быстренько достав из рюкзака копию рукописного плана, я расправил его на коленке и ещё раз осмотрел окрестности. Для большей достоверности следовало бы спуститься к воде и шагами отмерить расстояние от воды до того места, где большая дорога пересекала речку Копыщенку. И тут некоторое малоосознанное поначалу сомнение начало властно овладевать моим сознанием.

– Если они ехали от Днепра, – внезапно подумалось мне, – то почему же не нанесли на карту ту дорогу, возле которой я сейчас стою? А то получается, что это расстояние французы пролетели по воздуху!

Но сомнения сомнениями, а программу исследования местности нужно было выполнять. Пройдясь по асфальту до современного бетонного моста, я понял, что далее по шоссе идти уже бесполезно. Ведь удравшие от Дениса Давыдова подводы должны были ехать параллельно большой реке, а вовсе не перпендикулярно ей. Поэтому я вернулся несколько назад и будто специально остановился возле продовольственного магазина, также носящего название «Александрия». Двое синеватых на просвет алкоголиков вожаком повернули ко мне свои помятые физиономии, но вовсе не пьяный дурман привлекал меня в это невесёлое

место. Ведь несколько сбоку от магазина я увидел характерный, будто бы вдавленный след от старой, мощёной гравием дороги, спускающейся в долину жёлто-мутной после ночных дождей Копыщенки.

– Это уже гораздо лучше, – обрадовано бормотал я, направляясь вдоль неё, – это уже больше похоже на правду.

И в самом деле, осуществить захоронение в речном овраге куда как сподручнее, нежели на открытой местности. Укрытый со всех сторон плотным ивняком овражек, словно намеренно подсказывал мне, что если двести лет назад кто-то что-то и собирался прятать, то это следовало делать именно здесь. Даже зимой, когда на деревьях не было листьев, увидеть, что делается внизу, было совершенно невозможно. Озираясь по сторонам, я шагал по необычно широкой тропе, стараясь представить в подробностях, что здесь происходило поздней осенью 1812 года. Переправившись через речушку по простому деревянному мостику, я оказался в некоей лощине, которая в далёком прошлом вполне могла быть проезжей дорогой. Сейчас это была не более чем широкая тропинка, но в те времена здесь вполне могли ездить на телегах.

Не переставая мысленно отсчитывать шаги, я через какую-то сотню метров достиг почти смытых внешними водами остатков полуразрушенной плотины. Находка взбодрила меня необычайно, и выводы были сделаны незамедлительно. Ведь судя по старому плану, именно в этом месте должна была быть мельница. А наличие старой плотины вроде бы вполне подтверждало то, что она действительно здесь была. Ведь на данном этапе расследования мне годилась любое искусственное сооружение, расположенное в определённом месте. К тому же при мельнице вполне могло быть нечто вроде небольшого мостика. При этом я совершенно позабыл о том, что, судя по французскому плану, здесь должна бы быть не водяная мельница, а ветряная. Впрочем, в ту минуту, мне было не до таких мелочей. Ведь когда истово веришь в какую-либо идею, мелкие несоответствия просто не принимаются во внимание.

Поскольку путешествие становилось всё интереснее и интереснее, я невольно прибавили хода. Ведь предстояло отыскать и последний, третий мостик, который, по идее, должен был отстоять от гипотетической мельницы не менее чем на 600 метров. Выбравшись из овражка, я вынужден был пробираться вдоль циклопических построек животноводческого комплекса, ежеминутно рискуя провалиться в какую-нибудь навозную яму. Но не было в мире ничего, что заставило бы меня свернуть с намеченного пути, и ровно через восемьсот двадцать метров я вступил на следующий деревянный мостик. Сердце моё тревожно заколотилось. Всё вокруг подёрнулось нереальной сверкающей дымкой, а в голове моей оглушительно застонали победные цимбалы.

В определённом смысле данная местность и в самом деле походила на ту, которая была изображена на исходном «брульоне». Ещё бы, три мостика здесь были точно! Ну, могли быть. Впрочем, оттуда, где я теперь стоял, должны были видны роща и деревенская корчма..., м-да, должны. Я внимательно, крайне внимательно осмотрел расстилающуюся передо мной местность. М-да! Ещё раз осмотрел, отойдя от третьего мостика на добрых полсотни метров. Осмотр совсем не утешил. Худшего места для расположения места общественного питания сложно себе было даже представить. Передо мной лежала совершенно безлесная и абсолютно плоская долина, вообразить на которой хоть какое-то строение было совершенно невозможно. И тут мне пришло в голову то соображение, что следует пройти вдоль Копыщенки до самого Днепра. Ведь именно в этом направлении должны были находиться пруд с плотиной, и церковь. Пусть они были давно разрушены людьми или временем, но следы от них должны были остаться непременно.

Скажу сразу, что прогулялся я совершенно безрезультатно. Только посбивал ноги, да пару раз сорвался с осклизлых берегов Копыщенки в не слишком глубокие, но зато ужас

какие крутые овражки. Сколько не лазил я вдоль речного русла, ни малейших следов иско-
мых объектов обнаружить так и не удалось.

– Ладно бы одна церковь исчезла, – думал я, в очередной раз разглядывая окружаю-
щую меня местность, – она могла быть деревянной и сто раз сгореть без следа. Но где озеро-
то!? Но где плотина!? Что, следы их пребывания на Земле специально что ли кто-то уни-
чтожал? Нет, это бред сивой кобылы! Никому это на дух не было нужно, и, следовательно,
никаких земельных работ здесь отроду не проводилось. И собственно говоря, кому была
нужна церковь, до которой добраться так напряжно. Ну, сам-то я другое дело. Ради поис-
ков такого количества золота можно и не в такие дебри залезть. Но вот из Александрии
шагать по такому громадному кругу..., да через два моста..., так никакой религии потом не
захочется. Нет, нет, насколько я в жизни поездил по матушке России, везде церковные зда-
ния отстояли совсем недалеко от обжитых мест. Стало быть, на левом берегу этой несчаст-
ной Копыщенки просто должна была находиться довольно-таки крупная деревня. Но кроме
совершенно плоского поля, да каких-то неопрятных кустиков мои глаза не видели ровным
счётом ничего. И, скорее всего, тут никогда и не было каких-либо строений.

Надежда, попеременно то воскресавшая, то умиравшая, после этого последнего, совер-
шенно сокрушительного удара, с грохотом рухнула оземь и распалась на составные части.
Стало совершенно ясно, что, несмотря на некоторое отдалённое сходство, большинство клю-
чевых элементов на реальной местности либо отсутствует вовсе, либо совершенно не совпа-
дает с теми, которые были описаны на французском «брульоне». Понурился, я выбрался
на современную дорогу, и устало побрёл обратно к станции.

– Ещё дёшево отделался! – размышлял я, шаркая ботинками по камням придорожных
обочин. Бедный Яковлев вон перед государем императором ответ держал. Наверное, посе-
дел бедняга после доклада о провале столь долгой поисковой операции. Ещё бы не посе-
дел! Чуть не год он, бедный, высунув язык, таскался с лопатой по Смоленской и Минской
губерниям! И что в результате? Пшик! Нашёл два каких-то относительно подозрительных
места, да перекопал кучу земли, вот и все его достижения. А, наверное, водки они с Кочу-
беем выпили за это время, не одно ведро...

Я представил себе в деталях и подробностях, как полковник с князем грустно сидят
за колченогим столом в какой-то заплёванной харчевне, и невольно улыбнулся. И почему-то
сразу подумалось о том, что это задание было им предоставлено вовсе не в качестве поощ-
рения за отличную службу, а как некое издевательское наказание. Но вслед за этим я неиз-
бежно вспомнил и о втором подозрительном месте, которое они обнаружили. Да, сомнения
по его поводу они высказывали сразу, но для успокоения собственной совести, мне следо-
вало съездить и туда. Идея казалась вполне осуществимой, разом придав мне ускорение и
активизировав некоторый прилив сил.

Оказавшись у железнодорожной платформы, я расположился на скамеечке стоящей
под столетней, разлапистой липой и, разложив на коленях свои карты, погрузился в изуче-
ние предстоящего маршрута. На начальном этапе он был очевиден. Следовало вернуться
в Оршу, а затем пересестись на первый же московский поезд. Он должен был довести меня
до станции Кардымово. А вот далее следовало применить смекалку российского туриста.
До деревни Цурьково от станции было не менее десяти километров и предстояло на месте
подыскать подходящий транспорт. Впрочем, в ту субботу я смог добраться только до самого
Кардымово. Ночь надвигалась неотвратимо, и я счёл за благо искать ночлег в этом относи-
тельно крупном населённом пункте.

Глава шестая: От Цурьково до Луны и Франции

Утром же, разминая затёкшие от неудобной позы плечи, мы с неожиданно подвернувшимся попутчиком выехали прямо в заветное Цурьково. Попутчик счастливо отыскался на автобазе приютившего меня городка, где я провёл ту ночь. Дежурный водитель – Алексей Захаров, так он мне представился, был в недалёком прошлом обычным деревенским парнем. Вынуждено сменив рычаги окончательно сломавшегося трактора на баранку грузовика, он окончательно с деревенской жизнью так и не порвал. Только теперь ему приходилось возить молоко с близлежащих ферм, а не пахать по весне поля. Вот именно по этой причине три раза в неделю он оставался на ночёвку прямо в комнате отдыха водителей, чтобы не тратить по утрам много времени на дорогу от дома к базе.

– Хорошо, что я пока не женат, – доверительно делился он со мной своими заботами, – а то бы не знаю, как и оправдывался бы. Живу на улице Савичева, почти у самых Барсучков. И получается, что сюда почти час нужно добираться, ведь по утрам никакого транспорта нет. Выезжать на фермы нужно в шесть, так что же, мне в половине пятого вставать?

– Мотороллер какой-нибудь себе приобрети! – сонно отозвался я, следуя за ним к ангару, в котором стояли грузовые автомобили.

– Я уж тоже думал об этом, да дороговаты они, – столь же заспанно отозвался он. К тому же где его здесь оставлять? Сопрут, или просто колесо отвинтят.

– Зачем им это? – удивился я.

– А-а, из вредности, наверное, – неопределённо взмахнул он рукой. Народ здесь собрался недалёкий, и какой-то недобрый. Только и знают, что пиво пить без меры после работы, да дурацкие розыгрыши устраивать.

Мне было интересно спросить, какие именно здесь устраиваются розыгрыши, но в этот момент Алексей резко свернул в сторону и с разбегу вскочил на подножку довольно нового ГАЗа.

– Дверца с той стороны снаружи не открывается, – предупредил он меня, едва я протянул руку к дверце, – я её сейчас изнутри открою.

Наконец он завёл машину, и вырулил на загородную трассу. Разбитое колёсами шоссе тянулось вдоль каких-то складов, промышленных предприятий и невпопад понатыканных между ними неопрятных жилых домов. Водитель молчал, неотрывно глядя прямо перед собой, и я тоже погрузился в свои невесёлые думы.

– Да, французы через Кардымово проходили, – размышлял я, – но мы-то сейчас едем прочь от того места, где некогда двигались их нестройные колонны. К тому же через пресловутые Цурики в те времена проходила только плохонькая просёлочная дорога, целиком и полностью находившаяся под контролем наших казачьих разъездов. Поэтому мне было совершенно непонятно, что заставило охрану именно этого кассового фургона свернуть в сторону и поехать в чистое поле, т. е. фактически на верную гибель. Такой поступок мог быть объяснён только одним обстоятельством. Видимо нечистые на руку гренадеры с самого начала договорились между собой о том, что при удобном случае разграбят золото. И значит, они намеренно создали такую ситуацию, что остались на дороге в одиночестве, рассчитывая нажиться под шумок.

Машина в это момент свернула в сторону, и я невольно оторвался от своих дум. Мы миновали несколько коровников и, развернувшись на небольшом «пяточке», начали сдавать задом в широко распахнутые ворота.

– Это Васильево, – предупредил меня водитель, видя, что я принялся озабоченно озираться по сторонам. Сейчас заберём утренний удой и дальше поедem в Луну за следующей порцией.

– В Луну? – не поверил я.

– Да, – весело сверкнул зубами Алексей, – так у нас одна деревня называется. Она как раз за Цуриково расположена.

Пока происходила перекачка молока, я тоскливо разглядывал царящую вокруг грязь и разруху, совершенно не понимая как в таком беспорядке можно заниматься производством продуктов питания. Но вот хлопнула дверца кабины и мой водитель, видимо совершенно равнодушный к подобного рода пейзажам, ловко запрыгнул на сиденье.

– Порядок, – повернул он ключ зажигания, – ещё десять минут и мы на месте.

На самом деле десяти минут и не понадобилось. Выехав из Васильево, мы развили такую скорость, что домчались до цели гораздо быстрее, нежели рассчитывали изначально.

– Вас где нужно высадить? – повернулся ко мне Алексей, едва мы миновали дорожный указатель с надписью «Цуриково».

– Да прямо здесь, – выглянул я из окна, – мне всё равно где выходить.

Молоковоз умчался вдаль, а я остался на мокрой дороге, вдоль которой реденько стояли крестьянские усадьбы. На душе было мутно. Вовсе не от того, что постанывал пустой желудок и погода была мрачноватой, нет. Сам вид этого голого, открытого всем ветрам селения возбуждал глубокие сомнения в том, что именно здесь кто-то когда-то задумал что-то прятать! Сравнивая данное местечко с недавно покинутой Александрией, можно было только дивиться тому, как его умудрился отыскать наш бдительный полковник. Да, крестьянский двор Цурики, неоднократно упомянутый в рапорте Яковлева, не слишком изменился за последние столетия. Домов наверняка стало побольше, а в остальном... всё осталось практически неизменно.

И на первый, и на второй взгляд было совершенно непонятно, что именно могло привлечь сюда французов. Деревня стояла в центре чистого и обширного поля, и отсюда с вершины небольшой возвышенности можно было легко видеть всё пространство вплоть до реки Хмость, которая обозначала своё присутствие полоской растительности тянувшейся с севера на юг. Однако никакой рощи или песчаного бугра не было видно и в помине. Наоборот местность плавно и монотонно спускалась под уклон, образуя нормальную и совершенно естественную речную долину.

Впрочем, особо долго размышлять было некогда. Передо мной лежали воистину громадные пространства, и требовалось срочно их обследовать. Прежде всего, следовало дойти до самой речки и постараться отыскать то место, где некогда мог находиться мост. Утолив голод, а заодно и жажду несколькими глотками воды и плавленым сырком «Дружба», я неспешно двинулся в направлении деревни Слодово, домики которой виднелись на противоположном берегу. Расчёт мой строился на том, что мосты обычно строят на кратчайшей линии, соединяющей два населённых пункта, а не где-либо в стороне.

Последующие три часа я упорно бродил по сильно заросшим дикой растительностью берегам Хмости. Посбивал все ноги, исцарапал все руки, но никакого реального результата не достиг. Ни остатков подъездной дороги, ни предмостной насыпи, ни даже одной единственной сваи от моста отыскать так и не удалось. В результате я добрался до того места, где в реку Хмость впадал ручей. Правда, втекал он в воды основной речки с противоположного берега, но именно это место особо привлекло моё внимание. Где ещё могло быть несколько мостов подряд, если не там, где сливается воедино два русла? Решив, что именно здесь я отыщу требуемые приметы, я принялся выбирать из прибрежных пожухлых кустов.

Расчёт мой строился на том, что на совершенно ровной местности должно было хоть что-то остаться от той самой дороги, которая (по моим предположениям) должна была некогда здесь проходить. И дорога просто обязана была здесь быть! Иначе непонятно, где именно проезжали французы, и где именно протыкали землю своими щупами Кочубей с Яковлевым. Но едва я выбрался из крапивной чащи, как увидел перед собой обширное болото, протя-

нующееся от берега реки на ширину не менее чем в триста метров. А сразу вслед за ним вздымался столь крутой холм, что въехать на него на обычной телеге даже не зимой, а летом, было совсем не простой задачей. Само же болото представляло собой жуткую мешанину из островерхих кочек, украшенных длинными лезвиями широколистной осоки.

Стало предельно очевидно, что никогда в жизни здесь не было никакой дороги. И наши предки, вопреки злым наветам были вовсе не такими глупышами. Раз они не построили дорогу в более удобных местах, то уж тут затевать подобное строительство они не стали. Впрочем, сдаваться я вовсе не собирался, хотя устал и вымотался изрядно. У меня возникла идея взобраться на тот высоченный холм и с его вершины осмотреть окрестности Цуриково ещё разок.

– Возможно, – размышлял я, неуклюже прыгая с кочки на кочку, – сверху я увижу то, что сейчас скрыто от моего взора. Ведь нечто великое лучше видится издалека! А след от старой дороги это такая штука, которая просто так, в одночасье, не исчезает.

Холм, как казалось, был совсем недалеко, но на его вершину я поднялся только через полчаса, мокрый от пота и совершенно обессиленный. Проклинаю все клады на свете, буквально на последнем издыхании вскарабкался на его обрывистый бруствер и рухнул на пожухлую траву. Перевёл дух, сбросил рюкзак с плеч и только после этого вновь поднялся на ноги. Но едва я встал, как моё и без того неважное настроение наоборот упало. Оказалось, что этот грандиозный холм местное население использовало в качестве деревенского кладбища. Насколько хватало глаз, моему взору были видны лишь непритязательные надгробья, заботливо обсаженные кустами сирени.

Вообще-то кладбища не являются для меня тем местом, где я могу долго находиться. Помимо моей воли надписи на памятниках, глаза с фотографий давно ушедших людей начинают буквально притягивать мой взгляд. Проходя по дорожкам любого захоронения, я непременно начинаю читать и повторять про себя все надписи. Странно, понимаю, но ничего с собой поделат не могу. И что бы вновь не поддаваться этому наваждению, я поскорее развернулся в обратную сторону. С преувеличенным вниманием принялся внимательнейшим образом изучать расстилавшуюся передо мной картину. Использовал для этого даже маленький театральный бинокль, который раскопал перед отъездом среди всякого старья.

Но сколько я не вглядывался в извивы Хмости, сколько не пытался отыскать на широкой речной долине что-то хотя бы приблизительно напоминающее дорожную насыпь или гать, всё было напрасно. Ни у самой реки, ни на прилегающей к ней территории не было ни малейшего намёка на то, что здесь некогда существовала какая-то транспортная магистраль. Скорее всего, и Яковлев тоже ничего подобного не нашёл. Вот именно поэтому они с Кочубеем покопались для проформы на каком-нибудь речном повороте и, сочинив пару оправдательных отписок, задвинули это безнадёжное дело в долгий ящик!

* * *

О своих неутешительных выводах после поездки я рассказал Михаилу, на следующий же день после возвращения. Рассказал о посещении окрестностей Александрии, об утомительных блужданиях вокруг Цуриково и в заключение выразил уверенное сомнение в успешном осуществлении нашей затеи. По этому поводу мы даже решили встретиться и обсудить это пропащее дело за кружкой пива. Рандеву назначили на нейтральной территории, дабы лишний раз не напрягать Наталью, люто ненавидящую подобные скороспелые пирушки.

– Так ты считаешь, – начал Воркунов, жадно отхлебнув пенного напитка из фирменной кружки одного уютного заведения, которое мы случайно отыскивали недалеко от Никитской, – может быть вся эта история про «малую кассу» вообще высосана из пальца?

– На то, чтобы высосана, не похоже, – с сомнением покачал я головой. Всё же с самого начала уж больно высок был статус лиц в неё вовлечённых.

– Да, куда уж выше, – согласился Михаил, – сплошь князья, графья, да императоры! Вот только этот Семашко..., уж очень скользкая личность среди них затесалась. Причём заметить, именно он и был инициатором данной затеи. Все остальные его только поддерживали, что-то искали, продвигали его идеи... Но в основе всего этого стрёмного дела стоял именно он!

– А ему-то зачем врать? Что-то я логики не вижу.

– Ну, не знаю, может, насолить хотел российским начальникам за то, что в своё время ему не дали тот кладик вытащить!

– Вряд ли. Начать с того, что он был крайне болен и отчаянно нуждался в деньгах, получить которые надеялся за содействие в поисках. Ведь фактически он расстался с самым значимым своим сокровищем – с заветной картой.

– Интересно бы знать, – недоверчиво хмыкнул Михаил, – откуда он её сам взял? Ведь, если мне не изменяет память, в России он не был, а зарывавший монеты гренадер! Страшно разозлённый его отсутствием в условленном месте, он вряд ли поделился бы с ним своей тайной!

– Действительно, – согласился я. Но ты ещё забыл некоего Антона Ивицкого! Он ведь был свояком Семашко! И гренадер перед первой поездкой за кладом жил у него всю зиму. Затем они несколько недель путешествовали на конной подводе бок о бок. Сто процентов за то, что именно этот нечистый на руку Антон и сделал копию с его исходной карты, воспользовавшись подходящим моментом. А затем переслал своему родственнику в Париж, или куда там ещё? Затем данный рисунок совершил своеобразный круг, и вновь оказался в России. Вначале у господина Бенкендорфа, а затем и у нас с тобой.

– И мы точно так же смотрим на него как бараны, на новые ворота и ничего понять не можем! – жизнерадостно заржал Воркунов. Но ничего, Сашок, не расстраивайся, может в другой раз повезёт.

Смех смехом, но слова его и этот игривый тон, заставили меня в известной степени мобилизоваться.

– Ничего, ничего, – подумалось мне, – пусть не верит, но я приложу все силы, чтобы докопаться до истины. Отыщу этот проклятый клад, чего бы это мне не стоило!

Дав самому себе подобное обещание, я мигом вспомнил о том объявлении, на которое наткнулся в парке. А вдруг общение с тем, кто его дал, как-то продвинет меня в поиске? Оставалось только позвонить по указанному телефону. Кто знает, может быть от того, кто заинтересован в поисках портфеля, мне удастся узнать что-то важное? Для этого нужно было сделать совсем немного – вернуться домой, и постараться отыскать ту бумажку, которую, как мне помнилось, я куда-то предусмотрительно спрятал. К счастью на этом этапе поисков долго искать её не пришлось. Всё благодаря моей привычке складывать все нужные и ненужные бумажки в особый ящик в серванте. Туда попадали, разумеется, не только счета за телефон, платёжки за квартиру и рекламные листочки. Старые записные книжки, обрывки газет с телефонами друзей и подруг так же собирались в этом месте, которое я сам для себя называл «мусорка». Примерно раз в полгода она неизбежно переполнялась, и я принимался её чистить. Вываливал всё на пол и начинал раскладывать по кучкам. Нужное – направо, ненужное – налево. В результате не менее четверти накопившейся макулатуры безжалостно выбрасывалось, и следующие полгода можно было жить так, как и прежде, т. е. безалаберно. Вскоре мятая бумажка объявления была найдена, и я взялся за телефон.

– Лотошкин слушает! – практически моментально отозвался неведомый абонент.

– Я к вам по поводу объявления звоню, – растерянно пробормотал я, поскольку даже не успел сообразить, что именно следует говорить.

– По поводу..., продажи кабеля? – явно обрадовался мой собеседник.

– Того, что было некогда развешено по всему Ботаническому саду, – напомнил я, – о некоем портфеле с бумагами...

– А-а, да, да, что-то такое припоминаю, – прозвучало из трубки менее оптимистично. Так вы что, нашли его, что ли?

– В общем...да...

– Так вы, наверное, звоните потому, что хотите получить обещанное?

– В принципе конечно, но предварительно хотелось бы поинтересоваться, сколько это будет в материальном выражении?

– В материальном, – хихикнул человек на другом конце провода, – хорошо сказано. Давненько это было..., э-э не знаю, как к вам обращаться, но сумму я припоминаю. За портфель со всем содержимым было обещано пятьсот зелёных.

– Всего-то? – разочарованно вырвалось у меня.

– Разве мало? – прозвучало в ответ. А по мне так очень даже неплохо! Если назовёте место, где мы можем встретиться, и мы сможем пересечься уже сегодня!

– Можно один нескромный вопрос?

– Нет проблем!

– Портфель нужен лично вам?

– Что вы! Зачем он мне? Нет, это просто случайный заказ..., со стороны. Я ведь занимаюсь изготовлением и расклейкой объявлений, в основном по поводу пропавших собак...

– Интересно, сколько же обещали за столь хлопотливую услугу лично вам? Всё же и объявления пришлось писать, и расклеивать...

– А-а, вообще копейки, всего-то пять сотен, но рублей.

– Обязуюсь удвоить ваше вознаграждение, если свяжете меня непосредственно с заказчиком!

– Но как же, – явно занервничал мой собеседник, – мне тогда всё проверить? Вы ведь даже не сказали, что лежит в том портфеле.

– Это я запросто. В нём лежит «Дело Императорской канцелярии № 31» и ещё тетрадь в чёрном переплёте. А свой гонорар можете взять из моего же вознаграждения, то есть даже ездить никуда не придётся.

– Я право не знаю. Не уверен, что заказчик одобрит такую сделку.

– Так позвоните ему и спросите. Вы ведь собственно ничего не теряете, зато приобрести можете немало. Если будет добро на сделку, звоните мне и все дела. Телефончик запишите?

– Он у меня уже и так на автоответчике записался, – всё ещё неуверенно отозвался оборотистый гражданин Лотошкин, – спасибо. Но должен заранее предупредить, что моя связь с заказчиком несколько затруднена. Так что ответ может последовать не скоро. Вероятнее всего созвонимся завтра..., эдак..., к вечеру.

Мы распрощались, и я немедленно полез на антресоли, чтобы отыскать свой старый, но ещё вполне работоспособный кассетник, марки «Шарп». Идея, невольно подсказанная мне распространителем объявления, вдохновила меня на создание некоего тандема из магнитофона и телефона. Ясно, что номер абонента записать на нём было нереально, но содержание разговора можно было зафиксировать навсегда. Повозиться пришлось изрядно, не меньше двух часов, но всё же свою задумку я воплотил в жизнь. Для проверки позвонил своему знакомому по работе и потом не без удовольствия прослушал содержание нашей короткой беседы.

Теперь я был готов вести переговоры с кем угодно, без опасения упустить что-то важное. Каждое слово оставалось на магнитной ленте, и можно было впоследствии изучать запись сколько угодно. Ведь вероятно от беседы с таинственным покупателем содержимого старого портфеля зависела моя собственная судьба. Оставалось только ждать, поэтому весь

следующий день я ходил в ожидании повторного звонка, мысленно проговаривая возможные варианты предстоящего разговора. И звонок действительно прозвенел в половине девятого вечера.

– Алло, – схватил я трубку, одновременно нажимая на клавишу записи.

– Это я, – прозвучал из динамика голос моего вчерашнего собеседника, – по поводу старинных бумаг. Заказчице я дозвонился, но тут появилась некоторая проблема.

– Какая?

– Когда она надеялась получить утраченные бумаги, то находилась в Москве, и готова была выплатить наши гонорары немедленно. Но теперь её в нашей стране нет, а переводить деньги за некие пустые обещания она опасается.

– Блин, да она к тому же и иностранка, – непроизвольно ругнулся я, – и как же теперь быть? Я тоже не могу просто так отдать ей то, что, на мой взгляд, стоит много дороже! Думайте сударь. Если никаких идей не появится, то я выброшу всю эту макулатуру в мусоропровод, и больше не буду иметь никаких проблем!

– Но я, да как же..., – донеслось до меня словно из колодца, – погодите минутку!

Минутка прошла, затем другая, третья...

– Вы ещё на связи? – наконец ожила трубка.

– На связи!

– Поймите и меня, – жалостливо заблеял расклейщик объявлений. Если я вам скажу телефон моего контрагента, то, что понудит её выплатить мне обещанное вознаграждение?

– Этак мы до утра проспорим, – прервал я его. Ну не мне же вам платить? Если свяжете меня с этой дамой, то у вас есть все шансы получить денежки и от неё, если она честный человек, и от меня. Если вас такой вариант не устраивает, я утром выкидываю это пыльное барахло на помойку и тогда уж точно ни от кого ничего получить не удастся!

Я уже собрался положить трубку на аппарат, как мой собеседник наконец-то решился.

– Ладно, записывайте, – произнёс он, с некоторой горечью в голосе, – надеюсь на вашу честность. Только учтите, что этот телефон временный. Она сейчас по каким-то делам в Чехии и это её номер в гостинице.

Едва попрощавшись, я принялся набирать длинный ряд цифр. Раз за разом, нажимал на упругие кнопки, но установить связь с далёким абонентом всё никак не удавалось. То ли линия была перегружена, то ли я делал что-то не то, но в трубке всё время звучали короткие гудки. В раздражении я вскочил с кресла и принялся бегать по комнате кругами, чтобы хоть так сбросить угнетавшее меня напряжение. При этом я на каждом витке, на какую-то долю секунды чиркал взглядом по тому самому ящику с бумагами, который совсем недавно разбирал. Казалось, что именно в нём лежит нечто, что должно мне как-то помочь. Вскоре мне это показалось крайне подозрительным, и я остановился около него. Протянул руку и зачем-то выдвинул ящик из стенки. Чудеса, но первое, что я увидел, была лежащая на самом верху рекламная брошюрка Ростелекома. И на первой же её страничке я отыскал номера действующих операторов международной связи.

– Действительно, – неподдельно обрадовался я, – какого чёрта я сам мучаюсь? Пусть дозваниваются профессионалы, у них наверняка это лучше получится!

Задумка удалась, и не более чем через десять минут телефон зазвонил сам.

– Прагу вызывали? – деловито осведомилась оператор натруженным за день голосом.

– Так точно! – жизнерадостно отрапортовал я.

– Соединяю, – сухо скрипнуло в трубке.

Я обратился в слух, непроизвольно сжав кулаки.

– Виктор, – прозвучало около уха, – это опять вы? Что ещё случилось?

– Никак не ожидавший услышать именно русскую речь, я на секунду замешкался, но нашёлся на диво быстро.

– Нет, сударыня, я вовсе не Виктор. Вас беспокоит человек, у которого волею судьбы находятся разыскиваемые вами бумаги.

– О-о, – запнулась теперь и она, – как неожиданно это слышать! Я уж не ожидала их когда-нибудь увидеть. Полагаю, что вы звоните мне для того, чтобы каким-то образом мне их передать?

– Почти что так, – невразумительно буркнул я в ответ, и в мыслях не держа возможность вот так запросто расстаться с драгоценным «Делом». Вот только меня совершенно не устраивает вознаграждение, которое вы за них предлагаете...

– Вам так кажется? – растерянно прозвучало в ответ, и я сразу же понял, что моей собеседницей является совсем ещё юная особа.

– Именно так! – усилил я нажим, – особенно имея в виду особое содержание данных документов. Вы ведь наверняка представляете, о чём в них идёт речь?

– В общих чертах, – пролепетала моя собеседница, – очень общих.

Она помолчала несколько секунд, будто обдумывая контраргументы, и теперь голос её зазвучал гораздо более уверенно.

– Кажется, вы, сударь, вознамерились самостоятельно разгадать эту историческую шараду? Да, я права?

– Именно так и есть! – не стал таить я очевидное. Ведь согласитесь, что стоимостное выражение того, о чём идёт речь во многие тысячи раз больше предлагаемого вознаграждения!

– Но неужели вы думаете, – услышал я в ответ, – что каждый раз, покупая билет игры Бинго, заранее гарантируете себе выигрыш? Если так, то вы, любезный, – законченный... глупец! – зловредно подобрала она соответствующее разговору слово.

– Это мы ещё посмотрим, кто есть кто! – обиженно взвился я. И гарантирую, что расколоть данную загадку смогу в любом случае и при любых обстоятельствах!

Уже обжегшись при первой же поисковой попытке, я, задетый за живое фривольной издёвкой какой-то там соплячки, и в самом деле готов был своротить горы и выпить моря. К сожалению, я из той распространённой в России породы мужчин, которые вначале говорят и делают, а потом уже начинают думать, что наговорили и наделали.

– Ха, – издевательски прозвучало из трубки, – вы, кажется, не слишком отчётливо представляете себе за что берётесь. Впрочем, вольному – воля, прощённому – рай! Буду с нетерпением ждать от вас известий о находках. Запишите на всякий случай мой парижский телефон, поскольку пользоваться этим номером я буду недолго.

– Диктуйте, – скосил я глаз на магнитофон, на всякий случай вновь убедившись в том, что тот исправно мотает плёнку, – уже записываю!

Девушка, чуть картавя, отчеканила длинный номер мобильного и, бросив на прощание игривое «о'ревуар», отключилась.

Немного остыв после столь импульсивного разговора, я назидательно стукнул себя по затылку. Мне, дураку, следовало лишь установить дружеский контакт и прояснить степень осведомлённости француженки. Вместо этого, даже не узнав её имени, ввязался в какой-то глупый, никому не нужный спор. Зачем-то завёл речь о деньгах. А зачем? Отдал бы ей вторую папку с ксерокопиями бесплатно. Всё равно дубликаты? Глядишь в качестве ответного жеста доброй воли и мне бы что-нибудь перепало. Кто знает, какими сведениями в действительности располагает эта французская пигалица!

Вечерний этот разговор я вспоминал ещё не раз, даже прокручивал запись, но постепенно успокоился. Решил, что всё равно какая-то там русскоязычная девчонка из Франции, даже если вновь отыщет того старикана, не сможет провести поиски столь результативно, сколь может в данном вопросе продвинуться коренной россиянин. А в своих потенциальных возможностях я даже не сомневался. Ещё бы! Завязтый грибник, прекрасно ориенти-

рующийся в любом незнакомом лесу, я был абсолютно убеждён в том, что поиски даже столь хитро запрятанного клада мне вполне по плечу. И дело было даже не в том, что меня невольно подзадорила конкурентка из Европы. Сказать честно мне и самому хотелось обогатиться не менее.

В то же время было предельно понятно, что я оказался в том же самом положении, что и Яковлев с Кочубеем полторы сотни лет тому назад. Было ясно одно, клад гренадера где-то лежит. Не менее ясно было и то, что ни в окрестностях Александрии, ни вблизи Цуриково его, скорее всего, не зарывали. Но тогда где же? Эта мысль, буквально въевшись в мои мозги, терзала их не хуже орла, что в своё время лакомился печенью Прометея. Я вставал с этой мыслью, ехал на работу и возвращался обратно, размышляя только о том, где проклятые французы припрятали **моё** золотишко.

И не только думал. Постепенно мои поначалу слабо структурированные и неконкретные мысли всё же обрели некоторую стройность и направленность. Появилось понимание того, что предмет моих изысканий следует знать гораздо лучше. В один прекрасный момент со всей очевидностью стало несомненно, что следует изучить всю Отечественную войну от первого до самого последнего дня! Рассуждения мои базировались на некоторых чисто логических посылах. Первое. Сам господин Семашко, будучи наиболее активным участником производимых поисков, в закладке монет лично не участвовал. Гренадер же, поневоле опасаясь столь рьяного кладоискателя, мог с самого начала сливать тому заведомо неверные или, скажем мягче, слегка недостоверные сведения.

Будь я на его месте, я бы так себя и вёл. Ни в коем случае нельзя было заранее раскрывать карты и прилюдно указывать пальцем на то самое место, где лежали собственноручно припрятанные им денежки. Ведь стоило кому-либо из сопровождавших француза лиц прознать о том, что золото лежит в двух шагах от какого-то придорожного куста, как у гренадера могли начаться большие неприятности. И ему поневоле приходилось вести себя крайне осторожно. Так что весьма возможно, что он изначально насытил и свой рассказ, а заодно и карту некоей недостоверной информацией. И едва я утвердился в этой мысли, как весь мой кладоискательский энтузиазм начал рассыпаться в прах.

– Батюшки светы, – думал я, вновь и вновь перечитывая письмо посланника Панина, – так здесь же могло быть вовсе всё не так, как об это пишет уважаемый граф. Если гренадер в чём-то наврал Семашко, то тот, не будучи после войны в России, мог с чистой совестью передать его враньё слегка пообнищавшему Сапеге. А тот, по простоте душевной ввёл в заблуждение и Панина! Наш атташе в свою очередь сбил с толку главного контрразведчика империи – Бенкендорфа, который затем неправильно ориентировал и Яковлева. В результате случилось всё что случилось. Объект поиска так и остался в земле. И произошло это вовсе не потому, что наши офицеры плохо искали, а потому что в системе основополагающих сведений о спрятанных деньгах изначально присутствовала некая дезинформация. Короче говоря, все наши поиски изначально были обречены на неудачу!

С этой грустной вестью я и направился к Михаилу, ибо носить в себе столь удручающую догадку было просто невыносимо. Не зря же говорится о том, что если разделишь беду с другом, то головной боли становится меньше. Тот к счастью был один, но на лице его выражение так же было весьма грустным.

– Что же ты заранее не позвонил, – заявил он, мне едва увидев меня на пороге, – я бы тебя кое-чем озадачил.

– Что ещё случилось?

Да жена, понимаешь, на вечернем дежурстве осталась, а дома сразу питаться стало нечем.

– Так уж и нечем, – не поверил я, – в твоей-то берлоге? Да если хорошенько покопаться по углам, то у тебя солдата с ружьём можно отыскать.

– Ты уж скажешь! – недовольно сморщился Воркунов, пропуская меня вовнутрь. Сам посмотри, в холодильнике хоть шаром покати!

– Ну и посмотрим, – присел я около старенькой «Бирюсы», – но бьюсь об заклад, у тебя тут еды на маленький банкет.

Пространство его холодильника и в самом деле представляло собой некую охлаждённую пустошь, но кое-где, по углам, можно было отыскать частички былой роскоши. Четверть пакета молока, пара яиц, одинокая сосиска. В самом дальнем уголке отыскался крохотный кусочек сливочного масла и брусочек совершенно окаменевшего сыра.

– Что я говорил, – присел рядом со мной Михаил, – погрызть совершенно нечего!

– Наоборот, – указал я на отложенные в сторону находки, – на приличный ужин вполне достаточно. Мука у тебя найдётся?

– Есть немного, – указал он на висящую над холодильником полку.

– Тогда мы спасены! – перенёс я найденные продукты на стол. Сейчас мы с тобой сделаем классический мексиканский омлет.

– Почему это мексиканский? – подозрительно прищурился Михаил.

– Потому, что даже бедные мексиканцы могут его себе позволить! – отпарировал я.

Без долгих рассуждений поставил сильно закопчённую сковородку на плиту и зажег под ней газ.

– Учись студент, – бросил я в неё огрызок масла, – как готовят настоящие повара.

– Покажи, покажи своё искусство, – хмыкнул он, ставя рядом со мной полупустой пакетик блинной муки.

Не отвечая, дабы не утратить концентрацию, я пересыпал две ложки муки в миску, разбил туда же оба яйца, и залил всё это месиво небольшим количеством молока. Размешав полученное тесто вилкой, я накрошил сосиску, после чего пересыпал розовые мясные кружочки в начавшую скворчать сковородку.

– Дел на две минуты, – прокомментировал я свои действия, – так что готовь тарелки и режь хлеб!

Пока Михаил исполнял мои распоряжения, я вылил тесто в сковороду и прикрыл её крышкой.

Во время простецкого ужина, большую часть которого бойко смолотил мой друг, я поделился своими последними «достижениями» в области расследования «Дела № 31».

– Я что-то подобное подозревал с самого начала, – плотоядно облизнул Михаил вилку. Уж очень много подозрительных личностей сгрудилось вокруг слишком скользкого предмета. Золото, – прищёлкнул он пальцами, – оно такая штука, кому хочешь снесёт голову! Было бы трудно ожидать, что все участники данной истории были постоянно честны как кающиеся грешники на исповеди. Однако в основе своей данная история, несомненно, несёт в себе рациональное зерно.

– Вот именно, зерно! – с максимально возможным сарказмом отозвался я. И где нам с тобой искать это самое крохотное зерно? И главное как, если у нас на руках заведомая «деза»? Ты сам-то смотрел на карту? Ты видел, на каких громадных пространствах требуется отыскать совершенно крохотный по размерам предметик! В своё время даже полковник генерального штаба отступился, потратив на поиски целый год! А ведь за его плечами была вся мощь Российской империи, а не наши с тобой хилые зарплаты!

– А кто сказал, что задача проста? – сделал большие глаза Михаил. Сразу было понятно, что решить её вот так, на «шарапа», не прокатит! Скажу больше, тому, кто в большой науке решает задачки подобного рода, тому в городе Стокгольме потом Нобелевские премии вручают. При большом стечении важного народа и с выплатой неслабых премий. И если нам удастся её решить, то считай, что мы с тобой тоже в нобелевские лауреаты выбились. И кстати выплаты тоже будут, и ничуть не хуже!

– Но вряд ли нас по этому поводу пригласят в Стокгольм, – уже более спокойно отшутился я.

– Мы сами туда приедем, – беззаботно хохотнул в ответ Воркунов, – без приглашения. Ведь премиальные мы уже получим и без того! Вот и поедем их там прогуливать.

Мы ещё некоторое время посмеялись над нашим незавидным положением, но именно с того вечера, с того непритязательного ужина начался новый этап в разработке секретного «Дела императорской его Величества канцелярии». Теперь я никуда не торопился, трезво понимая, что Нобелевскую премию кавалерийским наскоком не заработаешь. Наступил период кропотливого сбора сведений обо всех перипетиях сильно позабытой в современной России Первой Отечественной войны.

Работа, которая поначалу представляла нечто вроде прочтения старинного романа, очень скоро превратилась в полноценное и полномасштабное научное исследование. Вначале я перечитал всё, что нашёл по этому предмету в ближайших библиотеках. Но этого оказалось явно недостаточно. Следующим шагом была запись в Историческую библиотеку, где получил доступ к настоящим исследованиям и научным рефератам, скопившимся в её архивах за много лет.

Объём добываемых фактов и сведений был столь велик, что возникла настоятельная необходимость наладить их классификацию и хранение. Чтобы не допустить дублирования и не упустить что-то важное, я принялся тщательно конспектировать добытую информацию, любовно занося её в специально для этого приобретённую общую тетрадь. И надо сказать что постепенно, всё глубже и глубже погружаясь в перипетии той далёкой войны, я задним умом начал понимать, что шла она вовсе не по тому накатанному официальными историками руслу, по которому её преподают в школе. И там затевались свои подковёрные схватки, плелись хитроумные правительственные заговоры и коварные интриги, совершались глупейшие промахи и творилось явное предательство! Если одни участники тех событий действительно бились, что называется не щадя своего живота, то другие под шумок набивали карманы и открыто попустительствовали врагу. И это происходило не столько в строевых частях, сколько в самых верхних эшелонах российской власти!

Это поначалу было мне совершенно непонятно, и только вспомнив печальный опыт Второй мировой с её массовым дезертирством, мародёрством и преступным поведением партийных верхов, я понял, что всё в нашем мире вертится по кругу. Вроде бы, какое мне было дело до поведения отдельных военачальников царской России? Я кто, маститый историк, или военный аналитик в области древних баталий? Нет, обычный доморощенный кладоискатель, и вроде бы делать какие-либо далеко идущие выводы мне было не с руки. Но вот что удивительно. Именно самый поверхностный анализ боевых действий Первой Северной армии, привёл меня к настоящему прорыву в поисках.

Глава седьмая: Научные изыски дилетанта

Впрочем, это событие произошло много позже, а поначалу я всё ещё был заиклен на идее о том, что захоронение ценностей произошло именно во время отступления могилёвского гарнизона. В пользу этой версии говорило, прежде всего, то немаловажное обстоятельство, что именно в этом регионе основная дорога, наиболее пригодная для отступления, шла именно вдоль правого берега Днепра. Мало того, на многих участках она проходила вдоль берега на удалении от пяти до двух километров, что, в общем и целом, отлично укладывалось в расстояние, указанное на исходной карте. К тому же именно в том районе активно действовали крупные кавалерийские соединения русских войск, которые своим внезапным налётом могли создать условия для вынужденного и поспешного захоронения кассового золота.

Могу со всей ответственностью рассказать о том, как мне в тот момент представлялась вся цепочка событий связанных с исчезновением пресловутых 8-и бочонков. Итак, 17 декабря (по новому стилю) 1812 года командир могилёвского гарнизона получил приказ из штаба Наполеона с указанием выступить в поход не позже 18-го и двигаться в направлении Орши, с тем, чтобы добраться до неё не позже 21 декабря. Приказ гарнизонному начальству был вполне понятен, и даже ожидаем. Уже неделю назад были собраны и уложены походные припасы, трофеи и денежная касса. Оставалось всё это добро погрузить на стоящие рядами повозки, брички и фургоны, после чего выдвинуться единой хорошо охраняемой колонной в указанном императором направлении.

И вот ранним, ранним утром, едва над крышами Могилёва забрезжил рассвет, гарнизонная колонна выступила в свой последний поход. Впереди, как водится во всех армиях мира, бодро гарцевало боевое охранение, затем вышагивала рота охраны, за которой тянулись все остальные обозы. Дробно грохотали по камням старинной дороги: денежная касса, повозки с трофеями, немногочисленная артиллерия, зарядные ящики, штабные повозки, провиантские фуры, и т. д., и т. п. День прошёл без особых происшествий и в декабрьских сумерках колонна, отшагав около 20 вёрст, добралась до селения Добрейка. Здесь имелось всё нужное для полевого ночлега. Удобный съезд на обочину, многочисленные крестьянские хаты и чистая вода для лошадей. Но конечно же вся колонна в селении не поместилась, и головной его части пришлось ночевать в небольшом придорожном лесочке у развилки дорог.

По современно карте легко проследить направление этой дороги. Она вела (да и сейчас ведёт) в деревню Моховое, а далее в селение Требушки. И поначалу я был вполне убеждён, что на французском плане именно эта дорога обозначена нашим гренадером как дорога «**B.D.**». Отметил он её только потому, что эта была единственная развилка, встретившаяся ему на пути к месту захоронения бочонков. Почему же он написал, что эта боковая дорога ведёт именно на север? – вот та единственная неувязка, которая не давала мне спать спокойно. Ведь на самом деле, данный отрезок дороги, уходящий куда-то влево, вёл строго на запад! Я долго размышлял над этим моментом. Прикидывал так, и этак, пытался понять логику действий гренадера. Но в конце концов решил элементарно простить малограмотного француза. Компаса в кармане он наверняка не имел, и в полевых условиях ориентировался исключительно по солнцу. Вот именно здесь в его расчёты вполне могла вкрасаться роковая ошибка!

Хочу напомнить всем и каждому, что с достаточной точностью ориентироваться по небесному светилу можно только в определённое время дня, и только в определённое время года. С беднягой-гренадером российское зимнее солнце сыграло воистину злую шутку. Всякому известно с детства, что солнечный диск опускается за горизонт на западе. Ведь верно же! Это вроде элементарно просто, однако действует далеко не всегда. Если ориентироваться на точку восхода или захода, то можно значительно ошибиться. Данный способ определе-

ния сторон света хорош только весной и осенью. А зимой и летом такая ориентировка даёт заметный сбой. И наибольшей величины ошибка достигает в моменты летнего и зимнего солнцестояния. Но, судя по легенде, именно в такой момент гренадер и пытался сориентироваться по странам света. Потому он и написал впоследствии, что дорога «**B.D.**» ведёт на север. Казалось бы, незначительная и явно неумышленная с его стороны ошибка, но меня она долго сбивала с толку. Исходя из заведомо ошибочной ориентировки, отражённой гренадером в исходной карте, получалось, что Днепр в данном регионе течёт не с севера на юг (как в действительности), а с востока на запад! Вот так, пытаясь объяснить одну чужую ошибку, я невольно совершил другую.

Но продолжу свой рассказ о последнем походе войск могилёвского гарнизона. 19 декабря обоз продолжил своё движение. Из Добрейки гужевые колонны подтянулись к развилке, объединились с охраной, после чего дружно направились к цели по почтовой дороге (трасса «**B.C.**»). Командованием обоза предполагалось в этот день достигнуть города Шклов, в котором планировалось провести вторую ночёвку. Примерно в 2 часа дня, едва голова походной колонны миновала деревню Большая Комаровка (слева от тракта, на карте обозначена как «**а**») и приблизилась к мосту, переброшенному через полноводную речку Ульянка (на плане «**Е**»), как на противоположном берегу реки появились запыхавшиеся кавалеристы из боевого охранения.

– Впереди, примерно в двух верстах от реки, навстречу нам по дороге движется отряд казаков! – доложил командир охранения. Подозреваю, что вслед за ними наличествуют более значительные силы противника, – добавил он, – уж очень они себя уверенно чувствуют, а ведь тех русских не более десятка!

Командир, возглавлявший передовую обозную колонну, призадумался. Положение у него, мягко говоря, было довольно неприятное. Неизвестные силы противника фактически перерезали единственную твёрдую дорогу, а его артиллерия и наиболее боеспособные части несколько отстали от обоза с ценностями. Свернуть куда-то в сторону было совершенно невозможно, почва совершенно раскисла, и было ясно, что тяжелогружённые кассовым золотом и трофеями повозки мгновенно увязнут в глине, полностью застопорив всё движение. А казаки вот они – десять, пятнадцать минут, и они будут здесь!

Здесь, конечно же, можно задать один каверзный вопрос. И наверняка найдутся люди, которые захотят его задать. Вопрос этот таков: – Откуда известно, что почва раскисла? Во всех фильмах освещающих тему войны 1812-го года показывается только глубокий снег вокруг и жуткий холод. Откуда же я взял, что в это время земля оттаяла? Ларчик открывается просто. Выяснилось, что вдолбленная в наши головы, казалось бы, очевидная информация, зачастую бывает не совсем достоверной. Подтверждения добыла Наталья Воркунова, случайно заскочившая на книжную ярмарку в поисках книжки по технике вязания. К счастью она не ограничилась только темой рукоделия и прошла по другим прилавкам. Результатом её любопытства стала покупка только что вышедшая в свет книги с многообещающим названием «**В поисках сокровищ Бонапарта**». Нечего и говорить о том, что через два дня я уже держал её в руках. И на страницах с 207-й по 209-ю я отыскал очень интересные исторические свидетельства о той далёкой войне. Вот они, читайте!

19 Ноября

«19-го на рассвете около 7-и часов была тревога; за городом показались казаки и заставили бежать 5–6 тысяч отставших солдат, которые ворвались в город с криком: «К оружию! Неприятель!».

Гвардия приготовилась к битве. Они готовились отбивать нападение тысяч двадцати человек; всё ограничилось дюжиной казаков.

Капитан артиллерии 1-го корпуса, Караман, не имея больше ни канониров, ни пушек, потеряв своих лошадей и свои вещи, пришёл к нам просить убежища. Я дал ему одежду, генерал Нарбон – лошадь. Мы едим рис и шоколад – это событие! Остатки артиллерии переместили за ручей. 19 ноября утром подморозило, и вновь настала гололедица».

«Мы переходим Днепр и приходим в Оршу. Дорога обсажена прекрасными берёзами, местность изрезана оврагами. На пути мы переходим два ручья. Император помещается в большом монастыре. Мои планы потеряны. Нападения врасплох казаков ежедневны.

«В 2 часа дня Наполеон прибыл в город Орша и встал у самого моста, там, где стоял пост жандармов. Наполеон с тростью в руке лично, около 2-х часов руководил переправой. Пропускал одних, некоторые повозки приказывал сжечь, а лошадей передавал в артиллерию.

Ночью все желающие проехать миновали мост, так как переправой командовал простой офицер».

Расклад по силам французов, вступивших в Белоруссию, и сосредоточившихся в Орше был таков:

Императорская гвардия – 7000 человек.

1-й корпус – 5000.

4-й корпус – 4000.

6-и и 8-й кавалерийские корпуса – 2000.

Итак, можно с уверенностью утверждать, что к 20-му ноября, то есть к началу завершающего этапа отступления под ружьём у Наполеона было никак не менее 18.000 боеспособных солдат и офицеров. И, кроме того, с армией тащилось примерно 50.000 тысяч бросивших оружие военнослужащих, отставших от своих полков солдат и беженцев. И, самое главное – два больших и очень ценных обоза! К последней декаде ноября было потеряно не менее трёх четвертей всех вывозимых из России трофеев (по массе), но всё же оставшаяся четверть сокровищ по стоимости превосходила все понесенные утраты. Но, приготовьтесь уважаемые читатели, недалёк тот час, когда французы начнут топить и прятать самое ценное!

20 Ноября

«Император приказал генералам распорядиться сожжением всех повозок, фургонов и даже всех упряжных экипажей. Лошадей в артиллерию. За нарушение приказа – расстрел. Генералы Жюно, Зайончик и Клапаред принуждены сжечь половину фургонов и колясок. Император дал разрешение брать лошадей, лично ему принадлежавших. Были истреблены понтоны, а 600 лошадей из-под них переданы в артиллерию. Днём главная квартира перенесена в Бараны. Вечером Наполеон покинул Оршу и ночевал в Беренове (имеется в виду современный городок Барань), поместье немного вправо от дороги в восьми верстах от Орши».

«Вечером в Бараны (Барань) прибыл офицер генерального штаба де Бриквиль».

«Но тут у Наполеона было едва 6.000 солдат, несколько пушек и расхищенная казна. В Смоленске оставалось всё-таки 30.000 строевых солдат, 150 орудий, казна».

21 Ноября

«Сыро, местность изрезана оврагами вперемешку с лесом. Дорога от местечка Бараны (совр. Барань) до Толочина обсажена по обе стороны берёзами. Незадолго до прибытия императора казаки с пушкой показались впереди пути: они атаковали нескольких пеших кавалеристов, выступивших им навстречу и считавших их (каза-

ков) малочисленными. Казаки показались в небольшом количестве по своему обыкновению, чтобы заманить нас. Полковник 12-го кирасирского полка был взят в плен со многими офицерами».

«Утром Наполеон, гвардия и обозы выступили в Коханово. Пройдя 20 км. остановились на ночлег. Погода тёплая, днём таяло, ночью подмораживало».

Эти строки, написанные неведомыми мне прежде авторами, как казалось, полностью подтверждали мою Могилёвскую гипотезу. Морозы, терзавшие отступающую армию во время её продвижения по Смоленщине, неожиданно резко ослабили. Наступила оттепель, что в принципе позволяло говорить о том, что бочонки могли быть именно зарыты, а не, допустим, сброшены в прорубь на какой-то реке. И второе. Положение с лошадьми в армии стало столь плохим, что для сохранения минимальной боеспособности войск Наполеон вполне мог отдать приказ выбрасывать даже такие непреходящие ценности, как золото!

Но давайте возвратимся на дорогу Могилёв – Шклов. Возможно, будь у командира головного обоза несколько больше времени, он придумал бы что-то более оригинальное, но в тот момент ему было не до отвлечённых размышлений. Тяжеленные вспомогательные фургоны следовало срочно разгрузить и отогнать в сторону от дороги, чтобы можно было быстро пропустить вперёд артиллерию, которая, заняв господствующую высоту на левом берегу всё той же Ульянки, могла отразить неминуемое нападение.

Надо заметить, что голова французской колонны как раз втянулась в небольшую рощу, обозначенную на плане как «g» и у солдат имелось некоторое время на скрытную разгрузку и захоронение ценностей. Одного гренадёра из числа охраны майор срочно послал на вершину стоящего неподалёку ветряка «в», чтобы тот подал сигнал всем остальным, если казачий разъезд подъедет слишком близко. По стечению обстоятельств именно тот, кто забрался на ветряную мельницу и был тем человеком, который впоследствии остался жив после всех сражений и в какой-то момент был завербован Семашко для проведения первой кладоискательской авантюры. Со своего наблюдательного пункта он прекрасно видел не только своих товарищей, спешно сгружающих и зарывающих ценности, но и Днепр, стоящую на его берегу церковь, разлившуюся дельту реки Ульянки, которую он принял издалека за мельничный пруд «F».

Казаки же, казалось, совсем и не торопились. Убедившись в том, что французов в Шклове нет, они расслабленно трусили по дороге на юг, лузгая на ходу семечки и перебрасываясь немудрёными солдатскими шутками. И по мере того, как они приближались к роще, на опушке которой затаилось боевое охранение обоза, французским дозорным становилось ясно, что вслед за этой группой из города больше никто не выдвигается. Следовательно, либо это была просто немногочисленная разведка, либо... точно такое же боевое охранение, но высланное из Шклова, по всей видимости, только что занятого крупным отрядом русских войск.

Откуда же на пустынном в военное время почтовом тракте Могилёв – Орша появился этот казачий разъезд? Вопрос в данной истории самый лёгкий. Его утром того же дня выслал Денис Давыдов, который сопровождал отступающую из Москвы армию французов и их союзников. Ведь я уже упоминал, что именно он контролировал южные окрестности трассы Москва – Борисов. Французы к Орше продвигались от городка Дубровна, а наш полковник старался не пропустить их оголодавших фуражиров слишком далеко на юг. Однако и он понимал, что ему надо будет вскоре перебираться на правый берег Днепра. Но где же было сподручнее переправляться? Ведь льда на реке пока не было. Воспользоваться мостами в городе Орше он, разумеется, не мог. Так что место для переправы у него было только одно – брод у города Копысь или мост в Шклове. Но этому непростому в зимнее время манёвру вполне могла помешать какая-нибудь французская воинская часть, внезапно выдвинувшаяся

со стороны Могилёва. (То, что в Могилёве всё лето стоял французский гарнизон, Давыдов знал наверняка). А откуда же могли появиться супостаты? Появиться они могли только с одного направления, как раз со стороны города Шклов. Вот именно поэтому наш полковник просто вынужден был выслать разведку на дорогу Шклов – Могилёв, чтобы на всякий случай обезопасить свой собственный тыл от внезапного появления неприятеля!

Вернёмся на минуточку к команде гренадеров, спешно зарывающих ценности на песчаном холмике, поросшем хилой кустарниковой растительностью. Едва покончив со своим занятием, они были вынуждены отводить пустые фургоны прочь с дороги, пропуская вперёд артиллерийские расчёты. Грянули первые пристрелочные выстрелы, и разъезд доселе беспечных казаков мгновенно развернулся и опрометью поскакал в обратную сторону. Порядок и движение колонны вскоре возобновилось, но все в обозе понимали, что впереди их ждёт вполне реальная опасность, и готовились пробиваться через город силой. Но к их удивлению в Шклове они не обнаружили ни одного русского солдата или кавалериста. И это вполне логично, там никого и быть не могло. Давыдов в это время преспокойно сидел в Сметанке, а обстрелянная французами казачья разведка во весь опор мчалась к нему по окружным просёлкам с докладом о досадном происшествии. Таким образом, только вечером 19 декабря наш партизанский полковник был осведомлён о том, что от Могилёва вероятно к Копыси движется какая-то воинская часть с большим обозом. Ясно, что на следующий же день он выслал усиленную разведку, которая, прячась в обширном лесу, окружавшем речку Черницу, во все глаза следила за передвижением лакомого обоза, поутру покинувшего Шклов.

Но это мы теперь всё знаем о тех временах и намерениях, а французам на тот момент планы наших партизанских формирований были, разумеется, неведомы. По большому счёту, начиная от окраин Шклова, засада на них могла быть устроена вдоль основных дорог, как на левом берегу Днепра, так и на правом. Поэтому, скорее всего, командирами обозной группировки было принято некое «соломоново» решение. Воинская колонна была умышленно разделена на две части. Одна из них (только лёгкая кавалерия) продолжала ускоренное движение к Орше по правому берегу (поскольку император отчаянно нуждался в свежей кавалерии). А другая часть, более медлительная, (под командованием майора Бланкара) переходила Днепр по мосту на левый берег и шла в направлении Копыси.

Двигаться этой части обоза польско-французской дивизии предстояло весьма извилистым маршрутом. От моста через Днепр налево, до Кучарино, потом в Сапроньки, далее следовали два крутых поворота, и дорога приводила их в Старые Стайки. Здесь они форсировали речушку Светочницу и наконец-то через час достигали предместий Копыси. Казалось бы, на столь нелёгком и извилистом маршруте у казаков должны были случиться удобные моменты для нападения и днём. Но поскольку французы были настороже и на марше держали оружие наготове, то никакого шанса у наших казаков отбить даже небольшую часть готового к обороне обоза не представилось. Вот в своих мемуарах наш бард-полковник правдиво пишет о том, что он некоторое время следил за обозом, но нападать опасался. Ещё бы он не опасался. Отряд лёгкой кавалерии ничего толком не может сделать с плотной и боеспособной колонной войск, тем более что нападать им пришлось бы на совершенно открытом пространстве, то есть в наихудшей позиции!

Да, а вы обратили внимание на слова «**некоторое время**». Не день, ни два, просто некоторое время. Значит, фактически наблюдение за обозом осуществлялась лишь несколько часов в течение лишь одного светового дня. И этот день был 20 ноября (именно в этот день в Оршу прибыл Наполеон). Хочу обратить ваше внимание на то, что 20-го двигающаяся из Могилёва обозная колонна французов находилась на левом берегу Днепра, а не на правом и, следовательно, ничего ценного (судя по легенде) закопать ещё не могла. Ночевали французы и поляки в Копысе, со всеми удобствами, а ранним утром сделали попытку переправы через

брод к Александрии. Впрочем, повторяться не имеет смысла, ведь об этом эпизоде я уже достаточно написал ранее.

Из всего вышеперечисленного и с огромным трудом собранного материала следовал только один вывод – зарыть какие-либо ценности гренадеры из Могилёва могли только 19-го декабря днём, т. е. тогда, когда впервые и неожиданно возникла опасность лобового столкновения с неизвестными по количеству силами противника. Даже когда гренадеры охраны убедились в том, что казаки малочисленны, они всё равно не вытащили своё золото. Опасались ли они фланговой атаки, либо засады в лесистой части почтового тракта, мне не совсем понятно. Только им теперь было предельно ясно, что дорога контролируется противником и вынимать только что зарытые ценности, только для того чтобы их смогли отбить ненасытные казаки через час или два, нет никакого резона. И впоследствии тот же самый Денис Давыдов в своих победных реляциях ни словом не упоминает о захвате каких-либо ценностей в деле при Копыси. Повозки, оружие, провиант, пленные, да... это было. Но ценностей, даже в минимальном количестве не было и в помине. Давыдова это ничуть не насторожило, а вот меня наоборот буквально напрягло.

Исходя из средней скорости движения, как объединённой французской колонны, так и нашей конной разведки, мне удалось вычислить, что встреча могилёвского обоза и казацкого разъезда действительно могла произойти только вблизи речки Ульянки, которая и своим местоположением и направлением течения очень и очень напоминает небольшую реку «Е.Е.» из рукописного чертежа. И как только этот факт был установлен на местности, то с 90 процентной вероятностью можно было утверждать, что данная речка, и есть именно та, у моста через которую были закопаны пресловутые семь бочонков золотых монет. Оставалось подтвердить ещё один, последний, но решающий факт. Судя по тому же рукописному чертежику, вблизи Днепра на левом берегу Ульянки в 1812 году стояла некая церковь («d»). Скорее всего, она была выстроена либо в деревне Даньковичи, либо в Рыжковичах. Только там она была видна от Ульянки в таком ракурсе, как было изображено на рукописном плане. Но на современных картах, тех которые удалось отыскать в специализированных магазинах, никакой церкви там не было и в помине!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.